

Санкт-Петербургский государственный университет

АЛЕКСЕЕВ Станислав Кириллович

Выпускная квалификационная работа

Стратегии передачи реалий и приёмов стилизации художественного текста в переводе романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» на румынский язык

Уровень образования:

Направление 45.03.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа бакалавриата

СВ.5171.2020 «Румынский язык»

Научный руководитель:

старший преподаватель

кафедры романской филологии СПбГУ, к.ф.н.

А.О. Кубасова

Рецензент:

ассистент

кафедры романской филологии СПбГУ, к.ф.н.

А.А. Быщенко

Санкт-Петербург

2024

Содержание

Введение	3
Глава 1. Реалии	6
1.1. Понятия «безэквивалентная лексика» и «реалия»	6
1.2. Варваризм, экзотизм, алиенизм, ксенизм	13
1.3. Передача реалий в переводе	19
1.3.1. Подходы к классификации реалий	19
1.3.2. Подходы к классификации приёмов передачи реалий в переводе.....	23
1.3.3. Анализ стратегий передачи реалий в переводе на румынский язык...	28
I. Географические реалии	28
II. Этнографические реалии	38
III. Общественно-политические реалии	50
Выводы по главе 1	55
Глава 2. Приёмы стилизации текста	56
2.1. Понятие стилизации и её воплощение в тексте романа	56
2.2. Анализ стратегий передачи приёмов стилизации художественного текста в переводе романа «Лавр» на румынский язык	64
2.2.1. Лексические способы передачи приёмов стилизации	68
I. Отклоняющиеся от нормы варианты нейтральных по стилю лексем..	68
II. Стилистически окрашенные лексемы	73
2.2.2. Грамматические способы передачи приёмов стилизации	79
I. Передача стилизации в переводе на морфологическом уровне.....	79
II. Передача стилизации в переводе на синтаксическом уровне.....	85
Выводы по главе 2	89
Заключение	90
Список источников материала исследования.....	91
Список цитируемой научной литературы.....	91
Список источников справочного и энциклопедического характера.....	94
Список цитируемых средств массовой информации.....	94
Приложение	95

Введение

Евгений Германович Водолазкин – один из известнейших современных русских писателей, которому удалось, скажем без преувеличения, стать классиком при жизни и изменить отношение многих людей к современной русской литературе. Будучи доктором филологических наук и специалистом по древнерусской книжности, в своих художественных текстах он отходит от строгого академизма и порой сочетает между собой совершенно неожиданные компоненты. Его смелость, новизна с одной стороны, глубина и философия – с другой, многослойность и сложность текстов вместе с их ясностью и ненавязчивостью смогли завоевать уважение и любовь тысяч людей. Тексты Е.Г. Водолазкина читают по всему миру, его произведения активно переводились и переводятся по сей день. Роман «Лавр», вышедший в 2012 году, уже через два года был издан в Румынии. В качестве «связующего звена» между культурами выступила Адриана Личиу – переводчица с богатым опытом, открывшая для Румынии тексты многих классиков русской литературы – Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, М. Горького, В.В. Набокова. Это исследование – попытка прикоснуться к наследию большого писателя и попытаться понять, насколько успешно и полно один из его важнейших текстов, «неисторический роман», был переведён на румынский язык. Позволит это сделать анализ стратегий, которые избирались переводчиком для передачи *реалий* – культурных атрибутов, позволивших автору описывать Россию (Русь, Советский Союз) вне такой условности, как время, а также стратегий передачи *стилизации* текста – того самого языкового инструмента, благодаря которому читатель за считанные доли секунды перемещается из одной эпохи в другую.

Мы анализируем стратегии, пути, которые избирает переводчик, потому что как в жизни, так и в переводе, как сказал один из героев «Лавра», «главная трудность состоит не в движении, а в выборе пути».

Актуальность исследуемой темы связана с тем, что перевод романа «Лавр» на румынский язык, вышедший в 2014 году, на данный момент не был комплексно изучен. Кроме того, отметим, что рассматриваемый роман сочетает в себе атрибуты различных этапов исторического развития России (Древней Руси, Советского Союза, современной России) и лексику разнообразной стилистической окраски (историзмы, архаизмы, жаргонизмы, просторечия и т.д.), что делает его перевод на другой язык сложнее, а наше исследование ещё более актуальным.

Цель работы: выявить основные стратегии передачи реалий и приёмов стилизации художественного текста в переводе романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» на румынский язык; проанализировать уместность выбора тех или иных стратегий переводчиком; предложить, если это возможно, иной способ перевода той или иной лексической единицы.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи:**

- 1) уточнить определения понятий «безэквивалентная лексика», «реалия», «варваризм», «экзотизм», «алиенизм», «ксенизм», «стилизация», «историческая стилизация»;
- 2) рассмотреть существующие в филологической науке подходы к классификации реалий;
- 3) рассмотреть существующие в филологической науке подходы к классификации способов передачи реалий в переводе;
- 4) проанализировать текст романа с точки зрения стилистики;
- 5) сопоставить оригинальный текст романа с текстом перевода, выявить в нём реалии и приёмы стилизации художественного текста;
- 6) проанализировать отобранный материал, изучив стратегии передачи реалий и приёмов стилизации;
- 7) обобщить результаты исследования.

Объектом исследования выступает перевод романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» на румынский язык, выполненный А. Личиу.

Предмет исследования: реалии и приёмы стилизации художественного текста в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» и в его переводе на румынский язык.

Теоретическая значимость работы состоит в проведённом анализе основных теоретических положений, связанных с темой исследования, существующих в современной филологической науке, а также в разграничении ряда терминов, чьи дефиниции и рамки использования на данный момент не определены окончательно.

Практическая значимость работы заключается в выработке подходов к анализу стратегий передачи реалий и приёмов стилизации текста на материале румынского языка. Кроме того, в рамках анализа языкового материала нами выявляются сильные и слабые стороны единственного существующего на данный момент перевода на румынский язык романа Е.Г. Водолазкина «Лавр», в том числе переводческие ошибки. В случае неудовлетворительного, на наш взгляд, выбора переводческой стратегии нами предлагаются иные варианты перевода. Этот материал может быть использован в рамках преподавания таких дисциплин, как «Литературно-художественный перевод», «Стилистика румынского языка», «Введение в переводоведение» и пр.

Материалом для исследования послужили около 100 реалий и 100 эпизодов романа, содержащих приёмы стилизации текста, а также их перевод на румынский язык.

Методы работы: метод сплошной выборки; сопоставительный анализ языковых единиц русского и румынского языков; описательно-аналитический метод, контекстуальный анализ; анализ языкового материала с точки зрения стиля, лексики, грамматики.

Структура работы: введение, две главы, выводы к главам, заключение, приложение.

Глава 1. Реалии

1.1. Понятия «безэквивалентная лексика» и «реалия»

Понятие реалии неразрывно связано с понятием *безэквивалентной лексики* (БЭЛ), поэтому мы посчитали нужным ввести в текст работы в первую очередь это, безусловно, важное для нас с теоретической точки зрения понятие.

Как известно, любое слово является знаком и состоит из экспонента и денотата, и если один и тот же (или схожий) денотат имеет свои экспоненты в нескольких языках, то такое слово можно назвать *межъязыковым*, что говорит о возможности без труда найти эквиваленты в других языках для перевода этого понятия. Такие слова противопоставлены безэквивалентным словам, «план содержания которых невозможно точно сопоставить с каким-либо иноязычным лексическим понятием (в известном смысле безэквивалентные слова непереводимы, их приходится передавать описательными выражениями или с помощью пояснений)»¹. Вместе с тем некоторые учёные, в том числе В.С. Виноградов, считают БЭЛ не вполне корректным термином: «термин не очень-то удачный, так как при переводе подобные слова находят те или иные эквиваленты»². Здесь, безусловно, речь идёт лишь о том, можем ли мы назвать переводческие приёмы и трансформации, используемые при передаче БЭЛ при переводе на другой язык, «эквивалентом», но никак не о самой сути этих процессов. Очевидно, что переводчик по-разному будет подходить к переводу универсального для большинства культур слова «школа» на другие языки и, например, обладающей яркой национальной спецификой лексемы «самовар». Вместе с тем, однако, несмотря на то, что для лексемы «школа» практически во всех языках найдётся эквивалент, чей план содержания будет довольно

¹ Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. С. 67.

² Виноградов В.С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. С. 19.

точно сопоставим с русским аналогом (англ. *school*, рум. *școală*, порт. *escola*), нельзя говорить о стопроцентном эквиваленте: в каждом из рассмотренных языков это слово будет обладать своим, уникальным «сверхпонятийным»³ смыслом, или «лексическим фоном»⁴. Например, «со словами школа и school ассоциируются межъязыковые лексические понятия. Однако если рассмотреть функционирование слов в речи, то обнаруживается их значительное расхождение. Действительно, для русского (нашего соотечественника и современника) школа может быть начальной, средней и высшей, а также музыкальной, художественной, спортивной, а для англичанина к school приложимы атрибуты infant (т. е. для малышей), junior (буквально: младшая), modern (современная), grammar (грамматическая), technical (техническая) и public (общественная). Мы даем буквальный перевод, но он нередко запутывает: public schools (общественные школы), но «паблик скулз» как раз не общественные, а частные, платные»⁵. С нашей точки зрения, в данном случае мы имеем дело с реалией-словосочетанием, свойственной британской культуре, но чуждой русской, хотя сами слова, входящие в эти словосочетания, по отдельности являются межъязыковыми и эквивалентными. Таким образом, русское слово «школа», как и английское “school”, и португальское “escola”, являясь межъязыковыми, всё же обладают своим уникальным лексическим фоном, определяющим ограниченный перечень лексических валентностей, которые, в свою очередь, выражаются в существовании уникального набора для данного языка и культуры словосочетаний, которые могут являться реалиями. Но прежде чем говорить об определении этого понятия, разграничим его и БЭЛ.

Говоря о связи понятия «реалия» с понятием «БЭЛ», отметим, что многими лингвистами по-разному проводится граница между

³ Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. С. 73.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 72.

безэквивалентной лексикой и реалиями, или же этой границы и вовсе нет. По С.И. Влахову и С.П. Флорину, например, БЭЛ шире понятия «реалия» и включает его в себя, то есть любая реалия – это безэквивалентная лексическая единица, однако не всякая безэквивалентная лексическая единица является реалией. Другие исследователи, писавшие о реалиях в 50-х годах прошлого века, такие как Г.В. Чернов, Г.В. Шатков, М.П. Алексеев, А.В. Фёдоров⁶, пользовались преимущественно термином «безэквивалентная лексика». С другой стороны, один из первых русских ученых-филологов, кто подробно рассмотрел это понятие, Л.Н. Соболев, в 1952 году, напротив, склонялся к использованию наименования «реалия»⁷ в более широком значении.

В 70-е и 80-е годы учёные также не приходят к единому мнению относительно понятия «реалия», имеет место дискуссия даже на уровне того, что всё-таки можно считать реалией – определенные *слова и словосочетания* или же сами *понятия*, которые обозначаются этими словами: так, например, в работе Л.С. Бархударова «Язык и перевод» реалиям даётся весьма лаконичное определение: под реалиями понимаются слова, «обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке»⁸. Л.С. Бархударов чётко отделяет их от БЭЛ, говоря о том, что реалии, безусловно, входят в эту более широкую группу слов, но всё же являются отдельной категорией. Это определение подвергается критике со стороны других исследователей, например, А.В. Фёдорова, который считает реалиями не слова, а сами предметы, ситуации и т.д., которые словами обозначаются⁹.

Весьма компромиссное, но, на наш взгляд, удачное определение этому понятию предлагает В.С. Виноградов в пособии 2001 года издания. В нём он

⁶ *Влахов С.И, Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. С. 17.

⁷ Там же.

⁸ *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. С. 95. URL: <https://kurl.ru/QxlyN> (дата обращения: 16.04.2024).

⁹ *Влахов С.И, Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. С. 18.

рассматривает реалию и как понятие, которое может воплотиться в вербальную форму, и как само слово, ссылаясь на упомянутую выше работу С.И. Влахова и С.П. Флорина: «Под реалиями понимают не только сами факты, явления и предметы, но также их названия, слова и словосочетания. И это не случайно, потому что знания фиксируются в понятиях, у которых одна форма существования — словесная. Большинство понятий являются общечеловеческими, хотя и воплощенными в различную вербальную форму. Однако те понятия, которые отражают реалии, носят национальный характер и материализуются в так называемой безэквивалентной лексике»¹⁰.

Тем не менее, как упоминалось выше, некоторые исследователи всё же считают понятие «БЭЛ» шире понятия «реалия». С точки зрения С.И. Влахова и С.П. Флорина, одним из основных критериев, разграничивающих БЭЛ и реалии, является то, что реалии, на их взгляд, нельзя рассматривать как понятия относительные и актуальные для отдельных языковых пар, в отличие от безэквивалентной лексики в целом: с их точки зрения, «реалия... будет реалией безотносительно к тому или иному языку. Список реалий данного языка в синхроническом плане более или менее устойчив»¹¹. С нашей точки зрения, описанный критерий выделения реалий нуждается в уточнении. Дело в том, что, по С.И. Влахову и С.П. Флорину, реалия – это слово, то есть знак, и денотатом этого знака является в том числе экстралингвистическая (историко-культурная) информация, поэтому вполне естественным будет наличие общего для нескольких языков круга реалий, при условии, что народы, говорящие на этих языках, прошли схожий путь развития или имеют общие исторические корни. Например, рассмотрим слово «слобода», которое, без сомнений, является реалией, так как выражает понятие, совершенно чуждое для многих народов, но при этом естественное для русского языка и русского народа, отражающее его национальный колорит, образ жизни,

¹⁰ *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. С. 19.

¹¹ *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. С. 49.

исторические условия развития. Однако вместе с тем похожая лексема с совпадающим экспонентом и схожим денотатом «слобода» существует и в украинском языке. Сравним дефиниции из толковых словарей русского и украинского языков:

Таблица 1. Лексема «слобода» в русском и украинском языках

<i>Толковый словарь русского языка</i>	<i>Толковый словарь украинского языка</i>
1) В России до отмены крепостного права: большое село с некрепостным населением, а также торговый или ремесленный поселок (до 17 в. – поселение, освобожденное от княжеских повинностей). Стрелецкая, ямская с. Торговая, ремесленная с. 2) Поселок около города, пригорода (устар.). ¹²	1) іст. Поселення в Київській Русі, Україні та Московії в 11-18 ст., жителі яких тимчасово звільнялися від феодальних повинностей і податків. Частина міста, квартал, де жили люди однієї професії, національності і т. ін. 2) Велике село, селище. Відокремлена частина великого села. ¹³

Мы видим, что, безусловно, для перевода в паре «украинский – русский» понятие «слобода» является эквивалентным в связи с экстралингвистическими причинами, обусловившими схожий процесс исторического развития двух соседствующих народов. Вместе с тем, являясь вполне характерным, общеупотребительным и понятным для двух близкородственных языков понятием, «слобода» продолжает оставаться реалией при сопоставлении с другими культурами, для которых сам денотат этого знака неактуален, и, соответственно, лексема не является эквивалентной единицей для более далёких от русского в культурном плане языков, например, румынского. Отсюда вытекает необходимость в поиске замены при переводе, и переводчик романа «Лавр» на румынский обращается сразу к нескольким разным стратегиям для передачи этой реалии¹⁴. Более того, выделение самими С.И. Влаховым и С.П. Флориным советизмов как отдельную группу реалий также иллюстрируют этот вывод, поскольку многие из них будут иметь

¹² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com/> (дата обращения: 20.04.2024).

¹³ Толковый словарь украинского языка. URL: <https://dicipedia.com/dic-uk-uk-expl.htm> (дата обращения: 02.04.2024).

¹⁴ О передаче этой реалии в переводе романа подробнее см. с. 52.

полные эквиваленты в языках бывших национальных республик СССР или даже в странах советского лагеря, но при этом будут совершенно чуждыми для других народов, не имеющих отношения к социалистическому прошлому. К примеру, в период вхождения Румынии в социалистический лагерь румынский вобрал в себя слово “kolhoz”, понятное носителю русского языка без перевода, поэтому для пары «русский – румынский» лексему «колхоз» можно классифицировать как межъязыковую. Вместе с тем, без сомнения, это реалья, советизм, перевод которой на языки других стран, далеких от социалистического лагеря, будет не такой простой задачей. Наши рассуждения в этой связи, с одной стороны, ставят под сомнение тезис о безотносительности реалий, рассмотренный выше, а вместе с тем в целом в очередной раз свидетельствуют о зыбкости терминологических границ, которая имеет место в филологической науке, когда речь заходит о реалиях и безэквивалентной лексике.

Существует, более того, кардинально отличающийся от вышеописанного подход к рассмотрению реалий: их также можно анализировать и с точки зрения семиотики. В.Г. Гак, например, использует понятие «реалия» для описания одной из сторон знака, культуремы. С его точки зрения, «всякий знак представляет собой связь двух сторон — формальной (M) и содержательной (S), и он соотносится с определенным элементом действительности для выражения и обозначения некоторой *реалии* — *предмета* или *ситуации* (R). В культурах языковой знак (M+S) является обозначающим, а реалия (R) — обозначаемым. Под реалиями понимается все относящееся к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения и т. п.».¹⁵ Исходя из этого подхода, наоборот, является крайне актуальным сопоставление двух или нескольких культур для выявления общих и различных реалий, или культурем (если говорить не только о понятии, но и об экспоненте, это понятие выражающем). И с этой точки зрения, список реалий

¹⁵ Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 42.

может отличаться в зависимости от языковой пары. Реалии, которые «присущи ряду социумов, но отсутствуют в одном из сопоставляемых», В.Г. Гак предлагает называть «частными¹⁶».

Таким образом, учитывая тот факт, что, с нашей точки зрения, реалии могут быть присущи не одному народу, а в силу исторических причин объединять несколько социумов, мы предлагаем расширить определение реалии, предложенное С.И. Влаховым и С.П. Флориным; более того, сами авторы, рассматривая классификацию реалий, говорят о существовании «региональных»¹⁷, «локальных»¹⁸ и даже «интернациональных»¹⁹ реалий, что ставит под сомнение строгое отнесение реалии лишь к одному народу (предлагаемые нами дополнения, вносимые в авторское определение, отмечены курсивом): реалии – «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа *или группы народов* и чуждые *другому народу или группе народов*; будучи носителями национального и/или исторического колорита они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода».

¹⁶ Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 44.

¹⁷ Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. С. 64.

¹⁸ Там же. С. 65.

¹⁹ Там же. С. 66.

1.2. Варваризм, экзотизм, алиенизм, ксенизм

Рассмотрев понятие реалии в контексте БЭЛ и уточнив его определение, отметим, что в научной литературе встречаются и другие термины, связанные с реалиями и безэквивалентной лексикой. Несмотря на то, что в нашей работе мы отдаём предпочтение термину «реалия» и его дефиниции за авторством С.И. Влахова и С.П. Флорина, уточнённой нами выше, с целью исключить возможную недосказанность, обратимся к некоторым другим часто встречающимся в научной литературе терминам и отграничим их от реалий. А.А. Реформатский, к примеру, вводит понятие *варваризмы* – «иноязычные слова, пригодные для колористического использования при описании чуждых реалий и обычаев»²⁰ (примеры для русского языка: абсент, песо, пахлава). Нельзя также не упомянуть *алиенизм* и *экзотизм*. Будучи синонимами понятию «варваризм», в трудах В.П. Беркова они приводятся фактически под одной и той же дефиницией в изданиях разных лет (термин «экзотизм»²¹ – в издании 1973 г., а «алиенизм»²² – в издании 2004 г.). В обоих случаях терминам даётся следующее определение: «употребляемые в данном конкретном языке слова, обозначающие реалии – явления быта, социальных отношений, природы и т.д., специфические для иного языкового коллектива и чуждые для данного языкового коллектива (в этом же значении употребляются также термины *экзотизм*, *варваризм*). Примерами алиенизмов в русском языке могут быть слова феска, раджа, иглу, вигвам, пагода, альтинг, кломп»²³. Отметим, что, исходя из рассмотренного определения, по В.П. Беркову, реалии – это не слова, а сами понятия и явления, что перекликается с озвученными выше дефинициями других учёных, например, А.В. Фёдорова.

С нашей точки зрения, и *варваризм*, и *алиенизм*, и *экзотизм*, исходя из описанных выше дефиниций, будучи понятиями, безусловно, связанными с

²⁰ Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 141.

²¹ Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии. Л.: Издательство ЛГУ, 1973. С. 109.

²² Берков В.П. Двуязычная лексикография. М.: Издательство «Астрель», 2004. С. 60.

²³ Там же.

реалией, всё же имеют прямое отношение не столько к переводоведению, сколько к *лексикологии* и *лексикографии*, поскольку отражают актуальное состояние языка, на который был осуществлён перевод слова из языка-источника и в котором произошло или не произошло освоение этой лексемы. Иначе говоря, варваризм/алиенизм/экзотизм есть *результат процесса передачи того или иного иноязычного слова-реалии* при его переводе с другого языка, в отличие от реалии, которая изначально входит в лексический фонд одного языка и рассматривается как объект передачи в переводе на другой язык, в связи с чем и возникает необходимость в поиске того или иного переводческого приёма.

Принципиально иначе к трактовке понятия «*экзотизм*» подходят С.И. Влахов и С.П. Флорин. С их точки зрения, экзотизм шире реалии и охватывает слова, лишённые соответствий в том или ином языке, которые, «не являясь носителями колорита народа или страны исходного языка, придают лишь экзотический оттенок тексту на языке перевода»²⁴. К примеру, слово «снег» для большинства языков мира вполне естественно и эквивалентно, и, конечно же, реалией считаться не будет, так как само природное явление достаточно повсеместно и не отражает колорит какого-то отдельного народа или группы народов; тем не менее для африканского племени N, ни разу не видевшего снега и говорящего на своём языке, оно будет являться словом чуждым, или экзотизмом. При переводе экзотизма на этот африканский язык N также будет существовать необходимость обращения к тому или иному переводческому приёму, которые переводчик обычно использует и при переводе реалий.

Кроме того, анализируя терминологию, мы не можем не упомянуть ещё одно понятие, которое обычно ставят в один ряд с реалией, варваризмом, экзотизмом и алиенизмом – *ксенизм*. Не существует единства мнений относительно этого термина. Так, например, Л.И. Сапогова ставит знак

²⁴ *Влахов С.И, Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. С. 39.

равенства между понятиями *реалия* и *ксенизм*: «вид заимствований, сохраняющих максимальное звуковое сходство с иноязычным словом, функция которых в заимствующем языке сводится к обозначению при помощи пояснительной дефиниции специфических понятий и явлений иноязычной действительности»²⁵ – *слова-реалии* или *ксенизмы*. С нашей точки зрения, эти термины необходимо чётко разграничивать, поскольку реалия – это слово в языке-источнике, отражающее национальный колорит, не имеющее прямого эквивалента в языке перевода и в связи с этим требующее особого подхода при его передаче в переводе, в то время как *ксенизм* – это уже *результат передачи* лексической единицы в переводе, осуществлённой при помощи транслитерации. По мнению Л.Ю. Родионовой и Д.А. Москвитиной, в отличие от реалии и экзотизма, ксенизм зачастую и вовсе может иметь эквивалент, а в текст вводится намеренно: «Понятие “ксенизм” в корне отличается от подвидов понятия “заимствование” степенью неосвоенности, стилистической функцией и длиной высказывания – от одного слова до нескольких строчек. Ксенизм чаще всего имеет эквивалент в языке перевода, и его перевод вполне возможен, однако, воспроизводится он в неизменной графике языка оригинала, чтобы передать прагматическую и экстралингвистическую функцию, смысл текста и посыл автора»²⁶.

Рассмотрев основные подходы к трактовке ряда понятий, так или иначе связанных с безэквивалентной лексикой и реалиями, мы разделяем точку зрения В.П. Беркова относительно термина «экзотизм/алиенизм», поскольку считаем нужным разграничить реалии в языке-источнике, передача которых на язык перевода является непростой задачей, и те слова, которые уже вошли

²⁵ Сапогова Л.И. Реалии: фактор времени // Вопросы лингвистической семантики. Вып. 3. Тула, 1979. С. 54. Цит. по Воробьева С.В. К вопросу о классификации заимствованной лексики // Лингвокультурологическая парадигма в современных исследованиях: сборник научных статей. Гродно: ГрГУ, 2011. С. 209. URL: <https://clck.ru/3AXXus> (дата обращения: 25.04.2024).

²⁶ Москвитина Д.А., Родионова Л.Ю. Лингвокультурная гетерогенность ксенизмов в современном англоязычном художественном произведении Донны Тартт «Щегол»: переводческий аспект // Национальная ассоциация ученых (НАУ), № 44, 2019. С. 42. URL: <https://clck.ru/3AYMF3> (дата обращения: 26.04.2024).

в язык, были частично или полностью освоены и усвоены языком перевода, и фактически стали эквивалентными единицами в данной конкретной языковой паре, *утратив статус реалии в переводоведческом смысле* (поскольку для той или иной языковой пары эти единицы перестали быть частью БЭЛ), при этом сохранив оттенок значения, отражающий первоначальный национальный колорит – потому нам представляется более чем логичным именовать их *экзотизмами*. Тем не менее само понятие, выражаемое этим словом, не перестало быть уникальным для той или иной культуры и отражать её национальный и исторический колорит: вновь обращаясь к подходу В.Г. Гака, культурема никуда не исчезла, таким образом, не исчезла и реалья как обозначаемое в данной культуре, то есть мы *не можем говорить об утрате статуса реалии с точки зрения семиотики и культурологии, в отличие от переводоведения*. Для иллюстрации этого терминологического нюанса рассмотрим один из примеров, обнаруженных нами в тексте рассматриваемого романа и его перевода. В тексте романа неоднократно встречается лексема «изба», незаменимая для описания средневекового быта. Безусловно, традиционная русская «изба» и как лексема, и как понятие, выраженное этой лексемой, содержит в себе обширную историко-культурную информацию (лексический фон), а также является уникальным объектом русской культуры, обладающим специфическими чертами (включающими в себя, например, особенности русского зодчества того или иного исторического периода, традиции организации пространства, мифологический «ореол», в т. ч. как часть русского фольклора и т.д.), поэтому, несомненно, является реалией как в культурологическом, так и в лингвистическом смысле. Тем не менее «изба» как лексема является реалией с точки зрения переводоведения не для любой языковой пары: если, например, при переводе текста на английский переводчик будет передавать эту реалию при помощи какого-либо функционального аналога (*hut, cottage*) или транслитерации (*isba*), то в паре «русский – румынский» «изба» потеряет статус реалии, поскольку существует вполне равноценный, усвоенный румынским языком и зафиксированный в

словарях, начиная с середины XX века, эквивалент – *izbă* ‘изба’. Несомненно, это заимствование, усвоенное и освоенное языком, зафиксированное в ряде словарей, всё же сохраняет национальный колорит, что подтверждается самими дефинициями (наличием в них указания *rusească* ‘русский’, что подтверждает уместность использования в данном случае термина «экзотизм», причём эта помета сохраняется и в более поздних словарях):

Таблица 2. Экзотизм «*izbă*» в румынском языке

Оригинал словарной статьи	Перевод	Год издания словаря
<i>izbă</i> (<i>ízbe</i>), s. f. – <i>Casă tipică din stepa rusească</i> . > rus. <i>izba</i> (sec. XIX) ²⁷	изба – дом, типичный для равнинной части России. От рус. изба (19 в.)	1958-1966
<i>izbă sf</i> – <i>Căsuță (de lemn) specifică satelor rusești</i> . ²⁸	изба – небольшой дом (из дерева), типичный для русских сёл.	2010

Аналогичная ситуация обстоит с лексемой «квас», которая является, безусловно, реалией в культурологическом и семиотическом смыслах, но вместе с тем в румынском языке имеет устоявшийся и зафиксированный еще в словарях первой половины XX века эквивалент – *cvas* ‘квас’, в связи с чем не представляет сложностей для переводчика и в рамках языковой пары русский – румынский её нельзя отнести к БЭЛ, и, соответственно, к категории реалии в переводоведческом смысле; вместе с тем для румынского, безусловно, это экзотизм, пусть и вошедший в язык относительно давно, который ассоциируется в первую очередь с русской культурой, чему также имеется подтверждение в словарных дефинициях: *cvas* n., pl. *Urî* . Un fel de bere sau limonadă rusească de un gust foarte plăcut²⁹ ‘разновидность русского пива или лимонада с очень приятным вкусом’.

²⁷ Ciorănescu A. Dicționarul etimologic român. Universidad de la Laguna, Tenerife, 1958-1966. URL: <https://dexonline.ro/definitie/izb%C4%83/definitii> (дата обращения: 26.04.2024).

²⁸ Micul dicționar academic, ediția a II-a. Academia Română, Institutul de Lingvistică. Editura Univers Enciclopedic, 2010. URL: <https://dexonline.ro/definitie/izb%C4%83/definitii> (дата обращения: 26.04.2024).

²⁹ Scriban A. Dicționarul limbii românești. Institutu de Arte Grafice "Presa Bună", 1939. <https://dexonline.ro/sursa/scriban> (дата обращения: 26.04.2024).

Помимо вышеназванных примеров, нельзя отнести к разряду реалий с точки зрения переводоведения в паре русский – румынский некоторые единицы измерения, которые имеют прямые эквиваленты-экзотизмы в румынском. Например, *verstă* ‘верста’ (в форме множественного числа: *verste*), эквивалентная русской версте, а также *stânjen* ‘сажень’. Особого подхода при переводе русские единицы измерения «верста» и «сажень» не требуют, поскольку их прямые эквиваленты зафиксированы в румынских словарях³⁰. Между тем, безусловно, в других языковых парах, например, русский – португальский, эта лексема будет относиться к БЭЛ и требовать специфической стратегии передачи.

Вместе с тем в тексте романа «Лавр» мы встречаем также лексемы чуждые как русской, так и румынской культуре, используемые, например, при описании итальянского быта в части произведения, озаглавленной «Книгой пути»: «...брату Гуго через *приора* монастыря удалось выхлопотать для них придорожное письмо от *синьора* Джованни Мочениго, венецианского *дожа*» (315)³¹. Первоначально будучи реалиями, эти лексемы были переведены с итальянского языка на русский при помощи транскрипции, после чего были усвоены языком перевода, адаптировались под русскую фонетику, орфографию, грамматику, но при этом сохранили чуждый для русского языка и культуры национальный колорит и перешли в разряд *экзотизмов*. Перевод этих лексических единиц в паре русский – румынский не представляет особенных сложностей для переводчика, поскольку аналогичный процесс усвоения произошел и в румынском языке, в связи с чем эти экзотизмы русского языка имеют эквиваленты-экзотизмы в румынском: *prior* (233) ‘*приор*’, *signor* (233) ‘*синьор*’, *doge* (233) ‘*дож*’.

³⁰ URL: <https://dex.ro/> (дата обращения: 08.05.2024).

³¹ Здесь и далее в круглых скобках указывается номер страницы, где в источнике языкового материала содержится приведённый пример.

1.3. Передача реалий в переводе

1.3.1. Подходы к классификации реалий

Для дальнейшего рассмотрения стратегий передачи реалий при переводе определимся с отвечающей нашим задачам и целям классификацией, чтобы в дальнейшем обращаться к ней при анализе материала.

В языкознании существует большое количество различных подходов к классификации реалий: фактически каждый из учёных, рассматривающих этот аспект переводоведения, предлагал свою, авторскую классификацию. Так, например, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров разработали собственную классификацию реалий³², применимую исключительно к русскому языку, опираясь в первую очередь на исторические периоды развития России и на происхождение лексической единицы:

- 1) *Демократизмы* (например, братки, жириновцы, олигархи, рэкет, совок);
- 2) *Советизмы* (ударник, передовик, тунядец, невыездной, неуд);
- 3) *Наименования предметов и явлений традиционного быта* (щи, рассольник, окрошка, борщ);
- 4) *Историзмы* (сажень, аршин, верста, оброк, барщина, помещик);
- 5) *Лексика фразеологических единиц* (узнать всю подноготную, коломенская верста, бить челом, бить в набат);
- 6) *Слова из фольклора и из диалекта* (красна девица, кудесник, Снегурочка, чудюдо, баба-яга);
- 7) *Слова нерусского происхождения* (тайга, базар, аркан, буран, тюбетейка).

Г.Д. Томахин, в свою очередь, разрабатывает крайне подробную классификацию на американском материале, опираясь на тематический принцип, «в чисто практических целях»³³ выделяя в отдельную категорию ономастические реалии, а также к каждой из категорий предлагая

³² Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. С. 80-89.

³³ Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988. С. 45. URL: <https://kurl.ru/PzUtd> (дата обращения: 16.04.2024).

разветвлённый набор подкатегорий (подкатегории, в свою очередь, также делятся на ещё более мелкие группы реалий, но мы их не включаем в перечень ниже):

1) *Этнографические реалии. Реалии быта. Речевой этикет и нормы поведения:* жилище; одежда; пища, напитки; бытовые заведения; реалии транспорта; связь: почта, телеграф, телефон; отдых, времяпрепровождение; обычаи и традиции, праздники; рутинное поведение; жесты; суеверия; речевой этикет; приветствия и прощания; знакомство; приглашения, предложения; просьбы; согласие и несогласие; извинения; утешение, сочувствие, соболезнование; комплименты, одобрение; поздравления, пожелания; тосты; благодарность;

2) *Географические реалии:* названия особенностей береговой линии, разновидностей заливов, проливов, бухт; названия особенностей рельефа; гидрографические названия; названия, обозначающие особенности климата; флора; фауна; культурные растения;

3) *Общественно-политические реалии:* государственные символы и символы штатов; реалии, связанные с конституцией США; реалии законодательной власти; президент и аппарат Белого Дома; исполнительные ведомства; агентства; государственные служащие; судебная система; правительства штатов и местное самоуправление; выборы; политические партии и общественные организации;

4) *Реалии системы образования, религии и культуры:* система образования; религия; литература; театр и кино; изобразительное искусство; музыкальная культура;

5) *Ономастические реалии:* топонимы; антропонимы.

Совсем иначе к вопросу классификации подходит Л.С. Бархударов, за основу принимая более широкий термин – безэквивалентная лексика, рассматривая реалии как её подтип³⁴:

1) *Имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и пр., не имеющие постоянных соответствий в лексиконе другого языка;*

2) *Реалии:* «предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу, например, названия блюд национальной кухни, видов народной одежды и обуви, народных танцев, видов устного народного творчества; устойчивые словосочетания, обозначающие характерные только для данной страны политические учреждения и общественные явления»³⁵.

³⁴ Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. С. 93-95. URL: <https://kurl.ru/QxlyN> (дата обращения: 16.04.2024).

³⁵ Там же.

3) *Случайные лакуны*. «Мы имеем в виду те единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка»³⁶.

Весьма подробную и универсальную классификацию реалий разрабатывает В.С. Виноградов. Учёный выделяет следующие категории:

1) *Бытовые реалии*: жилище, имущество; одежда, уборы; пища, напитки; виды труда и занятия; денежные знаки, единицы меры; музыкальные инструменты, народные танцы и песни, исполнители; народные праздники, игры; обращения;

2) *Этнографические и мифологические реалии*: этнические и социальные общности и их представители; божества, сказочные существа, легендарные места;

3) *Реалии мира природы*: животные; растения; ландшафт, пейзаж;

4) *Реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические)*: административные единицы и государственные институты; общественные организации, партии, их функционеры и участники; промышленные и аграрные предприятия, торговые заведения; основные воинские и полицейские подразделения и чины; гражданские должности и профессии, титулы и звания;

5) *Ономастические реалии*: антропонимы; топонимы; имена литературных героев; название других общественных заведений;

6) *Ассоциативные реалии*. «Эти реалии связаны с самыми различными национальными историко-культурными явлениями и весьма своеобразно воплощены в языке. Ассоциативные реалии не нашли своего отражения в специальных словах, в безэквивалентной лексике, а «закрепились» в словах самых обычных»³⁷.

Самую подробную классификацию среди существующих, безусловно, разработали болгарские учёные С.И. Влахов и С.П. Флорин, рассмотрев реалии сразу на нескольких уровнях и предложив фактически 4 разных классификации: «Предметное деление», «Местное деление», «Временное деление» и «Переводческое деление»³⁸. В нашей работе мы приняли решение опираться на **предметное деление реалий в рамках классификации С.И. Влахова и С.П. Флорина** (с некоторыми точечными коррективами, которые мы оговариваем в подпункте 1.3.3), поскольку оно показалось нам наиболее

³⁶ Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. С. 94. URL: <https://kurl.ru/QxlyN> (дата обращения: 16.04.2024).

³⁷ Виноградов В.С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. С. 19.

³⁸ Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. С. 55.

подходящим для анализа собранного нами материала и отвечающим задачам исследования. Напротив, классификации Е.М. Костомарова и В.Г. Верещагина и Г.Д. Томахина представляются нам избыточными для наших целей, а в классификации В.С. Виноградова мы находим спорной категорию «ассоциативных реалий». Следуя за подходом Е.М. Костомарова и В.Г. Верещагина, мы полагаем, что лексический фон неизбежно сопровождает большое число лексем практически в любом языке, и считаем необоснованным выделять отдельную группу реалий на основе этого признака. Таким образом, опираться мы будем на следующую классификацию³⁹:

А. Географические реалии: названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии; названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью; названия эндемиков;

Б. Этнографические реалии: быт; труд; искусство и культура; этнические объекты; меры и деньги;

В. Общественно-политические реалии: административно-территориальное устройство, органы и носители власти; общественно-политическая жизнь; военные реалии.

³⁹ Влахов С.И, Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. С. 56-61.

1.3.2. Подходы к классификации приёмов передачи реалий в переводе

В отличие от весьма большого количества различных вариантов классификаций самих реалий, переводческие стратегии их передачи ограничены довольно узким перечнем возможных приёмов, в связи с чем основные способы передачи реалий в большинстве научных работ совпадают. Тем не менее некоторые различия в подходах к классификации переводческих приёмов всё же существуют, поэтому рассмотрим их на примере двух, безусловно, важных для науки трудов, сопоставив классификацию В.С. Виноградова и С.И. Влахова и С.П. Флорина, а также определимся с тем, к какой классификации будем обращаться мы при анализе языкового материала в подпункте 1.3.3.

Первая стратегия, которая может быть избрана переводчиком при передаче реалий, относительно которой мнения болгарских учёных и В.С. Виноградова совпадают, включает в себя два приёма – *транскрипцию и транслитерацию*. Она заключается во введении в текст перевода неологизма, максимально приближенного по своему внешнему облику к исходной лексеме в языке источнике, основываясь на передаче звуков (в случае с транскрипцией) или букв (в случае с транслитерацией) иноязычного слова при помощи графических средств языка перевода. Как отмечает В.С. Виноградов, «транскрибированные слова обычно сопровождаются сносками или умело вводимыми в текст перевода объяснениями»⁴⁰. Как С.И. Влахов и С.П. Флорин, так и В.С. Виноградов отмечают, что переводчик должен с осторожностью подходить к выбору этой стратегии, поскольку «неудачно сделанный выбор между транскрипцией и переводом может серьезно затруднить читателя»⁴¹, а «чрезмерное увлечение транскрибированием иноязычных слов... не только не способствует сохранению национального

⁴⁰ Виноградов В.С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. С. 61.

⁴¹ Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. С. 88.

колорита, а, наоборот, уничтожает его, загромождая русское повествование...»⁴².

Следующая стратегия, также рассматриваемая в обеих работах, и, безусловно, довольно часто используемая переводчиками – *гипо-гиперонимический перевод* (у В.С. Виноградова) или *принцип родовидовой замены* (у С.И. Влахова и С.П. Флорина). Она заключается в замене реалии (видового понятия) в языке-источнике более широким (родовым понятием) в языке перевода и наоборот. Эта стратегия позволяет весьма точно передать содержание исходного текста, однако часть национального колорита при переводе пропадает. В качестве примера В.С. Виноградов приводит в том числе испанскую водку *grapu*, переводимую на русский как «водка»⁴³. Отметим, что, с точки зрения болгарских лингвистов, принцип родовидовой замены – разновидность «приблизительного перевода»⁴⁴. В.С. Виноградов оспаривает точку зрения С.И. Влахова и С.П. Флорина, говоря о том, что «предлагаемый как название одного из способов перевода термин “приблизительный перевод” и вкупе с ним “приблизительный синоним” представляются слишком неопределенными, расплывчатыми»⁴⁵. Мы разделяем эту точку зрения и не склоняемся к использованию такого термина.

Уподобление как переводческая стратегия рассматривается В.С. Виноградовым и заключается в том, что «уподобляемые слова скорее называют понятия, соподчиненные по отношению к родовому понятию, а не подчиненное и подчиняющее понятия, как было в предыдущем случае. Например, бомбачи — шаровары, мачете — тесак, боличе — кегли, ранчо — хижина. Степень понятийного сходства таких межъязыковых соответствий

⁴² Виноградов В.С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. С. 61.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. С. 93.

⁴⁵ Виноградов В.С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. С. 63.

(неполных эквивалентов) выше, чем у соответствий родо-видовых»⁴⁶. С нашей точки зрения, уподоблению с точки зрения В.С. Виноградова будут соответствовать два других приёма, выделяемых С.И. Влаховым и С.П. Флориным, – *замена реалии реалией ПЯ* (например, «превращение болгарского *шопа* в *донского казака*») и *функциональный аналог*, при котором незнакомое для читателей явление заменяется более знакомым (например, замена лексемы *шашки* при переводе на болгарский язык на *даму*, также играющуюся на доске, но более знакомую для потенциального читателя). С нашей точки зрения, эти две стратегии, разграниченные болгарскими теоретиками и практиками перевода, – частные разновидности *уподобления* как способа передачи реалий.

Следующая переводческая стратегия заключается в описательной передаче той или иной реалии в языке-источнике. В этом случае соответствием в переводе для реалии служит перифраза или словосочетание, объясняющее суть этого явления/понятия. В.С. Виноградов называет этот приём *перифрастическим (описательным, дескриптивным, экспликативным) переводом*, а болгарские лингвисты – *описанием, объяснением, толкованием*. В нашей работе мы склоняемся к наиболее широкому и, на наш взгляд, удачному названию этой стратегии – *описательный перевод*.

И, наконец, нельзя не рассматривать *калькирование* как переводческую стратегию, использующуюся не только при переводе реалий, но и, например, поговорок или научных терминов и заключающуюся в дословной передаче понятия, или, если это словосочетание или слово, состоящее из нескольких корней, в дословном переводе каждого из его составных элементов, что позволяет передать не только «смысл, но и... образно-смысловую основу»⁴⁷ словосочетаний, фразеологизмов, пословиц и поговорок или научных терминов. Однако отметим, что С.И. Влаховым и С.П. Флориным

⁴⁶ Виноградов В.С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. С. 62.

⁴⁷ Там же.

калькирование подразделяется на кальку и полукальку, когда калькируется не слово/словосочетание целиком, а лишь его часть. В.С. Виноградов отмечает, что калькирование применяется достаточно нечасто в художественном переводе, и, безусловно, это подтверждается при анализе перевода романа «Лавр» на румынский язык, поскольку как переводческий приём применяется реже всего (см. раздел 1.3.3).

Кроме того, С.И. Влахов и С.П. Флорин выделяют другие приёмы передачи реалий при переводе, отсутствующие в классификации В.С. Виноградова. Во-первых, исследователи говорят об *освоении* как о переводческом приёме, тогда как, с точки зрения В.С. Виноградова, «освоение нельзя рассматривать как переводческий прием. Это лексическое понятие, означающее процесс грамматической и фонетической ассимиляции заимствованного языком слова»⁴⁸, с чем мы склонны согласиться, поскольку при наличии освоенного и усвоенного языком эквивалента переводческий эквивалент перестаёт быть окказиональным, отпадает необходимость в поиске особой стратегии передачи этой лексемы. В данной паре языков она, на наш взгляд, фактически утрачивает статус реалии с точки зрения переводоведения, и остается необходимым лишь открыть словарь и обнаружить там искомое заимствование-экзотизм. Более того, в русском языке есть примеры ситуаций, когда слова-реалии, получившие когда-то свой «окказиональный переводческий эквивалент», в дальнейшем статус реалии в переводоведческом отношении утрачивали, поскольку трансформировались «в устойчивое словарное соответствие. Так, в русский язык проникли слова и выражения: палата общин – House of Commons, лорд-хранитель печати – Lord Privy Seal, уикенд – week-end, стриптиз – strip-tease и многие другие лексические единицы английского происхождения».⁴⁹

⁴⁸ Виноградов В.С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. С. 62.

⁴⁹ Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. С. 95. URL: <https://kurl.ru/QxlyN> (дата обращения: 16.04.2024).

Во-вторых, С.И. Влахов и С.П. Флорин выделяют также *семантический неологизм* – придуманное переводчиком слово или словосочетание, максимально отдалённое этимологически от оригинала. С точки зрения В.С. Виноградова, такая переводческая стратегия является непродуктивной и крайне редкой: учёный отмечает, что «современные переводчики не рискуют выдумывать... собственные неологизмы»⁵⁰, в связи с чем в свою классификацию он эту стратегию не включает. Нам доводы Венедикта Степановича в этой связи кажутся более чем убедительными.

В-третьих, болгарские лингвисты также говорят о *контекстуальном переводе*, основанном на трансформации контекста при переводе таким образом, что имеет место «отсутствие в тексте перевода каких бы то ни было соответствий самого переводимого слова»⁵¹. С нашей точки зрения, в таком случае стоит говорить не столько о стратегии передачи реалии, сколько о её опущении, в связи с чем мы не считаем этот приём стратегией передачи реалий и не рассматриваем в нашей работе при анализе материала.

Таким образом, учитывая все вышеперечисленные доводы, в дальнейшем мы будем работать, основываясь на следующей классификации способов передачи реалий за авторством В.С. Виноградова:

- 1) *Транскрипция/транслитерация;*
- 2) *Гипо-гиперонимический перевод;*
- 3) *Уподобление;*
- 4) *Описательный перевод;*
- 5) *Калькирование.*

⁵⁰ Виноградов В.С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. С. 63.

⁵¹ Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. С. 95.

1.3.3. Анализ стратегий передачи реалий в переводе на румынский язык

I. Географические реалии

Группа географических реалий, согласно классификации С.И. Влахова и С.П. Флорина, подразделяется на три подкатегории – **1. Названия объектов физической географии, метеорологии; 2. Названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью; 3. Названия эндемиков**⁵². Мы берём за основу эту классификацию, однако в рамках нашего исследования уточним название третьей подгруппы. Дело в том, что эндемики, согласно дефиниции в Большой российской энциклопедии, – растения и животные, ограниченные в своём распространении чаще всего «относительно **небольшой географической областью**»⁵³. Вместе с тем далеко не всегда ареал распространения живых организмов совпадает с границами культурными и языковыми, в связи с чем, например, ягода морошка, не будучи эндемиком и имея распространение по всему северному полушарию, будет совершенно незнакома жителям Африки. Следовательно, лексема потребует выработать особый подход при её переводе на язык конго или, например, суахили, являясь безусловной реалией как в переводческом, так и в культурологическом смысле, общей для ряда северных народов, и не будучи эндемиком. Кроме того, сами авторы «Непереводимого в переводе», иллюстрируя третью подгруппу, приводят в пример «снежного человека, йети»⁵⁴, который, как известно, является мифологическим существом, а не биологическим видом, который в принципе не может быть эндемиком, поскольку никакого отношения к зоологии не имеет. Более того, поверья о снежном человеке существуют не в изолированной географической области, а распространены по всему миру. В связи с вышеназванными причинами мы приняли решение расширить третью подгруппу географических реалий и

⁵² Влахов С.И, Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. С. 56.

⁵³ Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 02.05.2024).

⁵⁴ Влахов С.И, Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. С. 56.

озаглавить её следующим образом: «**3. Названия живых организмов**». Всего в тексте романа было обнаружено 15 географических реалий.

1) Названия объектов физической географии, метеорологии

В рамках этой подгруппы в тексте романа удалось выявить две реалии, связанные с описанием снега. В русской культуре существует большое количество наименований, связанных с этим метеорологическим явлением, что можно объяснить его важным значением для повседневной жизни русского человека. Безусловно, румынам также знаком снег, однако эта лексико-семантическая группа менее разнообразна, чем в русском языке. Так, например, при передаче лексемы *наст* (52) переводчик прибегает к описательному переводу: *zăpada înghețată* (42) ‘заледевший снег’.

Ещё одна лексема, связанная со снегом – *позёмка* – встречается в тексте романа как минимум трижды, и каждый раз переводчик прибегает к гипогиперонимическому переводу (родовидовой замене), *расширяя* значение лексемы в переводе. В русском языке позёмкой называют лишь определённую разновидность метели, при которой «перенос снега ограничивается слоем в несколько см. над снежным покровом»⁵⁵, в то время как переводчик вводит в текст румынские лексемы *vârtej* (99) ‘вихрь, кружение’⁵⁶ и *viscol* (63, 117) ‘вьюга, снежная буря, метель, пурга, буран’⁵⁷.

2) Названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью.

В тексте романа была обнаружена лишь одна географическая реалья, связанная с влиянием человеческой деятельности на ландшафт. Типичное и по сей день для России явление, определяемое, вероятно, некоторыми чертами нашего менталитета, находит своё отражение в очень цельной и

⁵⁵ Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).

⁵⁶ Румынско-русский словарь. URL: <https://classes.ru/all-romanian/dictionary-romanian-russian.htm> (дата обращения: 21.04.2024).

⁵⁷ Там же.

«многослойной» в отношении лексического фона, связанного с ней, лексемой «*бездорожье*». Что значит бездорожье для русского человека? – вопрос риторический, поскольку, очевидно, это не только или, скорее всего, отнюдь не состояние дорог – это образ мышления, это паттерны поведения, это повторяемость и ожидание одного и того же «сценария» каждую весну, это недовольство, гнев, агрессия и, наконец, смирение и принятие. В романе автор показывает эту связь средневекового жителя Руси и современного россиянина словами итальянца Амброджо: «...за негодностью дорог люди Древней Руси предпочитают водный путь. Они, кстати, еще не знают, что Русь – Древняя, но со временем разберутся. Определенные навыки предвидения позволяют мне это утверждать. Как, впрочем, и то, что *положение с дорогами не изменится*» (258). В румынском же языке лексема, подобная русской «бездорожье», описывающая совокупность состояния дорог в определённой местности, отсутствует, в связи с чем переводчик прибегает к описательному переводу, заменяя реалию на словосочетание *drumurile defundate* (96) ‘размытые дороги’.

3) Названия живых организмов

Без сомнения, особое место в романе занимает лексика, связанная с названиями растений, – *фитонимы*. Именно благодаря ним автору удаётся погрузить читателя в мир «травного дела»⁵⁸ и воссоздать атмосферу Средневековой Руси, знахарства и врачевания. В сознании средневекового человека, безусловно, травы играли особую роль: будучи одним из немногих доступных на тот момент лекарств, они зачастую становились основой для народных поверий и начинали в народном сознании обладать «целебными или магическими свойствами».⁵⁹ Вместе с тем наименования, зафиксированные в Травниках и Лечебниках и встречающиеся в тексте романа, далеко не всегда можно обнаружить в традиционных толковых словарях, что затрудняет работу

⁵⁸ Об этой реалии см. с. 47.

⁵⁹ Попова Т.Г., Мальчивецкая Ю.В. Фитонимическая лексика в романе Евгения Водолазкина «Лавр» // Русская речь, № 5, 2017. С. 41.

переводчика. Более того, не всегда можно доподлинно выяснить общеизвестное народное или же ботаническое наименование для той или иной лексемы, зафиксированной в Травнике. В некоторых случаях и вовсе выявить, о каком растении идёт речь, и подобрать эквивалент в языке перевода представляется невозможным: некоторые названия, по разным источникам, приписываются параллельно нескольким различным растениям (например, *воронье сало*); другие же наименования относятся сразу к целой группе растений, объединённых каким-либо фактором, например, их внешней странностью (например, *адамова глава*); а некоторые растения и вовсе являются мифическими (трава *попугай*), и, таким образом, не могут иметь эквивалент в языке перевода, поскольку в поверьях народа, говорящего на нём, такого растения просто нет. В связи с вышеназванными причинами при анализе наименований растений в переводе романа «Лавр» на румынский язык мы разделили их на две группы: 1) фитонимы, обладающие эквивалентом в румынском языке и не являющиеся реалиями; 2) **фитонимы-реалии**, нахождение эквивалента для которых при переводе затруднено или невозможно, они зафиксированы лишь в Травниках и Лечебниках, отражающих народные воззрения, связанные с мифическими свойствами растений, а потому, несомненно, отражают русский народный колорит, что обосновывает их включение в категорию реалий.

1) Первую группу фитонимов, обладающих эквивалентом в румынском, мы представим в форме таблицы. Важно отметить, что ряд наименований имеет народный характер, то есть является частью «народной ботанической номенклатуры, которая существенным образом отличается от научной. Одно из определяющих отличий заключается в отсутствии однозначности. Каждый элемент научной ботанической номенклатуры любого языка имеет соответствие в международной латинской номенклатуре и определение, в котором раскрываются существенные признаки понятия... *Народное название растения не обладает признаком однозначности*, и значение его не может

раскрываться в аналогичном определении»⁶⁰. В связи с этим во втором столбце таблицы мы укажем, каким является название – народным или научным (отметим, что зачастую это названия целого рода растений, а не отдельного вида, в связи с чем они состоят из одного слова, в отличие от видов: например, Куколь – род растений, включающий в себя несколько видов, в т. ч. Куколь обыкновенный), а в третьем столбце представим **наиболее вероятное название из научной номенклатуры**, приписываемое тому же самому растению. Соответственно, в четвёртой графе представлен эквивалент в румынском языке, выбранный переводчиком:

Таблица 3. Фитонимы, имеющие эквивалент в переводе

<i>Наименование растения</i>	<i>Характер наименования</i>	<i>Вероятное научное наименование</i>	<i>Перевод</i>
дягиль (27)	народное	дудник	angelică (23)
куколь (220)	научное	–	neghină (163)
лаванда 57	научное	–	levăntică 45
можжевельник (26)	научное	–	ienupăr (23)
осот (18)	научное	–	susai (17)
плакун (25)	народное	дербенник иволистный	rachităn (22)
пострел (23)	народное	прострел	didîţel (20)
проскурник (152)	народное	алтей	nalbă mare (114)
пырей (220)	научное	–	pir (164)
рута (26)	научное	–	rută (23)
ряска (19)	научное	–	lintiţă (17)
стародубка (21)	народное	лютик	ruşcuţa de primăvară (19)
царевы очи (18)	народное	росянка круглолистная	roua cerului (17)
чернобыль (56)	народное	польнь обыкновенная	pelin (45)
чистяк (221)	научное	–	piciorul cocoşului (164)

⁶⁰ Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. С. 7.

2) Говоря о фитонимах-реалиях, их репрезентация в тексте перевода романа связана сразу с несколькими выбранными стратегиями передачи: транскрипция и транслитерация (5 случаев), калька (3 случая), описательный перевод (2 случая), уподобление (1 случай).

Транскрипция и транслитерация используются при передаче наименований лечебных и волшебных трав. Доподлинно определить, какой конкретно ботанический вид подразумевается под этими лексемами, не представляется возможным. Лексемы отсутствуют в словарях, а зафиксированы лишь в Травниках и Лечебниках:

Таблица 4. Фитонимы, переданные при помощи транслитерации/транскрипции

<i>Лексема в оригинале</i>	<i>Лексема в переводе</i>	<i>Выбранная стратегия</i>
баклан (23)	baclan (20)	транслитерация
ефилия (152)	ephilia (114)	транслитерация
лас-трава (17)	iarba las (16)	транслитерация
сава (23)	savă (20)	транскрипция
трава Енох (68)	iarba Enoh 53	транслитерация

Вероятно, в некоторых случаях эти наименования связаны с мифическими растениями, которым приписывались волшебные свойства. Но, безусловно, эти наименования могли носить и существующие (существовавшие) в действительности растения, однако выяснить это на данный момент не удалось. Например, лексемы *баклан* и *трава Енох*, по данным статьи Т.Г. Поповой и Ю.В. Мальчивецкой, отсутствуют и в исторических словарях, и в словаре В.И. Даля⁶¹. С помощью *баклана* в рассматриваемом романе Христофор лечит животных, а при помощи *Еноха* изготавливает средство для мытья головы.

Лечебная трава *ефилия* также отсутствует в словарях и передается в переводе при помощи транслитерации, причём необычным для румынской орфографии способом передаётся буква ‘ф’ – ‘ph’ вместо традиционного для румынского ‘f’, что позволяет придать графическому облику слова *оттенек*

⁶¹ Попова Т.Г., Мальчивецкая Ю.В. Фитонимическая лексика в романе Евгения Водолазкина «Лавр» // Русская речь, № 5, 2017. С. 43-44.

архаичности. Этот, на наш взгляд, удачный приём намеренной архаизации орфографии при передаче реалий в других наименованиях растений не используется.

Наконец, некоторые наименования связаны с, очевидно, магическими свойствами растений, и их с большей уверенностью можно отнести к мифическим фитонимам, а не к существующим в действительности травам. Так, например, *лас-трав* по описанию в травниках XVIII века имеет два корня разного цвета, один из которых лечит импотенцию, а второй – приводит к ментальным нарушениям: «Есть трава лас, растет при борах, ростом в пядь, цвет походит на багров (ый), а корени два, что орешки, едни черен, а други бел (ый). Тои травы корень белой класть за щеку, (мужской) уд станет стоять, а черной класть, то человек будет без ума»⁶². В рассматриваемом романе при помощи этой травы Христофор также избавлял мужчин от вышеназванного недуга. При переводе название транслитерируется, дефисное написание, как в оригинале, не калькируется: *iarba las* (16) ‘*трав лас*’.

Транскрибируется лексема *сава*, причем безударная ‘а’ передаётся в румынском при помощи буквы ‘ă’ /ə/. Тем самым лексической единице в тексте перевода придаётся естественность, поскольку для румынского окончание –ă частотно и маркирует отсутствие артикля у существительного. Кроме того, этот приём *весьма точно передаёт разницу между звуком /a/ в ударной и безударной позиции в русском языке*. Являясь мифической травой, сава, по данным травников, использовалась в чёрной магии и могла наносить ментальный вред тем, кто её собирает.⁶³ Аналогичные свойства травы описаны и в романе: «Ходили за травой савой. Здесь Христофор проявлял осторожность, потому что встреча с ней грозит смятением ума. Но <...> если эту траву положить на след вора, ворованное вернется» (23).

⁶² Южин В.И. Золотая книга старорусской магии, ворожбы, заклятий и гаданий. ОстеонПресс, 2015. URL: <https://clck.ru/3AYMaW> (дата обращения: 28.04.2024).

⁶³ Попова Т.Г., Мальчивецкая Ю.В. Фитонимическая лексика в романе Евгения Водолазкина «Лавр» // Русская речь, № 5, 2017. С. 46.

Калькирование, то есть дословный перевод наименований, применяется при передаче лексем *адамова глава* (18), *capul lui Adam* (17) ‘голова Адама’; *воронье сало* (17), *seu de corb* (16) ‘сало ворона’; *попугай* (56), *paragal* (45) ‘попугай’. Выбор этой стратегии в первых двух случаях представляется нам обоснованным: как аллюзия к библейскому образу Адама, играющему значительную роль в культуре, так и магические ассоциации, связанные с птицей ворон, позволяют подчеркнуть весьма таинственную атмосферу знахарства.

Вместе с тем дословный перевод третьей лексемы *попугай* (56), *paragal* (45) ‘попугай’, представляется нам сомнительным, поскольку, во-первых, вызывает неуместные ассоциации с тропической птицей, во-вторых, не соответствует историческим реалиям: птица попугай была завезена и стала известна в России лишь в XVII в., тогда как действие романа происходит раньше, что делает маловероятным то, что лексема восходит к наименованию птицы. Мы предполагаем, что лексема может восходить к глаголу «пугать». Тем не менее с уверенностью утверждать и это мы не можем, поскольку о данной лексеме существует достаточно немного информации. Этот фитоним не зафиксирован ни в одном словаре и встречается, по данным А.Б. Ипполитовой⁶⁴, лишь в единственном травнике, в связи с чем не представляется возможным поиск эквивалента для этой лексической единицы. На наш взгляд, транскрибирование было бы более удачной стратегией в данном случае.

Возвращаясь к другим лексемам, к которым в переводе не представляется возможным подобрать эквиваленты, отметим, что *адамова глава*, по данным М.А. Власовой⁶⁵, – наименование не одного растения, а целого ряда «растений и предметов необычной формы, наделяемых целебной или сверхъестественной силой», которые использовались в различных целях,

⁶⁴ Там же. С. 45.

⁶⁵ Власова М.Н. Адамова голова // Энциклопедия русских суеверий. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 9. URL: <https://clck.ru/3AZrP5> (дата обращения: 20.04.2024).

в том числе, например, по данным сборника суеверий 1786 г. издания, «...ею окуривают пленицы или силки, которыми ловят диких уток»⁶⁶.

Лексема *воронье сало* также требует особого подхода, поскольку, по данным разных источников, может относиться к разным растениям: В.И. Далем это растение идентифицируется как *Agrimonia*, репей⁶⁷; исходя из базы данных ИЛИ РАН «PhytoLex: Фитонимия русского языка XI-XVII вв.», лексема относится к биологическому виду «*Hylotelephium telephium* subsp. *telephium* – очиток обыкновенный / заячья капуста / очиток скрипун»⁶⁸. Следовательно, перевод этой лексемы затруднён.

Описательный перевод используется при передаче двух фитонимов-реалий, в обоих случаях переводчик также имеет дело с наименованиями мифических растений:

Таблица 5. Фитонимы, переданные при помощи описательного перевода

Лексема в оригинале	Описательный перевод	Перевод с румынского
одолень (23)	floarea rusalcelor (20)	русалочий цветок
перенос (23)	iarbă fermecată (20)	зачарованная трава

Такая стратегия передачи лексемы *перенос* нам представляется уместной и обоснованной, поскольку в романе магическая сила переноса, или *зачарованной травы* в переводе, противопоставляется силе молитвы: «По пути домой всякий раз собирали стручки травы *перенос*, отгоняющей змей. Положи ее семечко в рот – расступится вода, сказал однажды Христофор. Расступится, серьезно спросил Арсений. – С молитвой – расступится. Христофору стало неловко. Всё дело ведь в молитве» (23).

Вместе с тем предложенный вариант описательного перевода реалии *одолень*, на наш взгляд, с одной стороны, вызывает у читателя не связанные с

⁶⁶ Чулков М.Д. Абевега русских суеверий. М.: Издательство Ф. Гиппиуса, 1786. С. 3. URL: <https://clck.ru/3AZA6W> (дата обращения: 20.04.2024).

⁶⁷ Попова Т.Г., Мальчивецкая Ю.В. Фитонимическая лексика в романе Евгения Водолазкина «Лавр» // Русская речь, № 5, 2017. С. 43.

⁶⁸ База данных "PhytoLex: Фитонимия русского языка XI-XVII вв.". URL: <https://phytonyms.iling.spb.ru/usage/312> (дата обращения: 22.04.2024).

сюжетом ассоциации, а с другой – сужает первоначальное значение этого фитонима. Дело в том, что под ним могут подразумеваться различные растения, с точки зрения славянской мифологии связанные не только с русалками: по данным М.Н. Власовой, одолень – «одолевающее нечистую силу растение; приворотный корень; <...> могут подразумеваться различные растения, от пырея до валерианы и белой кувшинки»⁶⁹. Лексема *русалочий цветок*, в свою очередь, в русском языке ассоциируется с конкретным ботаническим видом – *кувшинкой*: «*русалочий цветок* обозначает кувшинку, что не является уместным эквивалентом в данном контексте»⁷⁰. При описательном переводе этого наименования на румынский, однако, и подобная ассоциация утрачивается, поскольку в языке перевода такое народное наименование кувшинки отсутствует. Тем самым этот вариант передачи исходной лексемы в румынском языке превращается лишь в «поэтический эквивалент»⁷¹, вызывающий у читателя неуместные ассоциации с магическими существами, никак не связанными с сюжетом романа.

Завершая анализировать фитонимы, рассмотрим лексему, не связанную со знахарством и магическими свойствами растений. Являясь важной частью русской культуры и рациона, южнее, в Румынии, *брусника* не имеет такого широкого распространения, и при её передаче переводчик прибегает к уподоблению – наименование ягоды заменяется функциональным аналогом: *soacăze* (279) ‘*смородина*’. Важно отметить, что в румынском языке в принципе не существует отдельной лексемы со значением *брусника*: словари также предлагают вариант *merișor* букв. ‘*маленькое яблоко*’. Сохраняя своё первоначальное значение фрукта, эта лексема приобретает дополнительное значение ‘*брусника*’ на основе, вероятно, внешнего сходства мелких красных

⁶⁹ Власова М.Н. Одолень // Энциклопедия русских суеверий. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 313. URL: <https://clck.ru/3AZrP5> (дата обращения: 20.04.2024).

⁷⁰ Druță I. Dificultăți de traducere în limba română a romanului Laur de Evgheni Vodolazkin. P. 241. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/238-245_6.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

⁷¹ Ibid.

яблок и этой ягоды. Вероятно, переводчик прибегает к варианту *soasāze*, а не *meṭiṣor* с целью избежать неверной идентификации читателем описываемого объекта. Выбранная стратегия позволяет переводчику создать образ ягоды, понятной и привычной для румына, к тому же, обладающей похожими (кислыми) вкусовыми свойствами, поэтому в данном случае представляется нам удачной.

II. Этнографические реалии

Этнографические реалии – наиболее многочисленная группа, представленная в рассматриваемом романе. Именно благодаря этой семантической группе реалий автор детально описывает быт средневековой Руси, позволяя читателю ощутить атмосферу русской избы, образно представить средневековый хутор, узнать больше об особенностях славянской культуры, в том числе мифологии. Кроме того, благодаря этнографическим реалиям Е.Г. Водолазкин переносит читателя во времени, вводя в текст также реалии советского периода (например, *садоводство*). Всего было проанализировано 59 наименований, среди которых некоторые встречались в тексте романа неоднократно и не всегда были переданы одинаково (например, *береста, краюха, лучина*). Наиболее продуктивной стратегией перевода оказалось уподобление (около 28% от всех случаев выбора стратегии передачи реалии), достаточно часто используются также транслитерация/транскрипция (23%), описательный перевод (23%), гипо-гиперонимический перевод (20%), реже всего встречается калькирование (лишь в 6% случаев). Некоторые из них мы опишем в настоящем подразделе, а с полным перечнем проанализированных реалий можно ознакомиться в приложении. Кроме того, отметим, что этнографические реалии, которые были найдены в романе, опираясь на классификацию С.И. Влахова и С.П. Флорина, мы разбили на следующие подгруппы: **1. Быт; 2. Труд; 3. Искусство и культура.**

1) Быт

Весьма широко при передаче бытовых этнографических реалий используется транскрипция и транслитерация (10 случаев), причём практически во всех случаях даётся сноска с комментарием внизу страницы:

Таблица 6. Бытовые реалии, переданные при помощи транслитерации/транскрипции

Лексема в оригинале	Лексема в переводе	Выбранная стратегия
каравай (126)	caravaî (96) Текст сноски: Pâine mare și rotundă. 'Хлеб большого размера и округлой формы'.	транслитерация
понева (69)	paniova (54) Текст сноски: Element al costumului popular rus. 'Элемент русского национального костюма'	транскрипция

В случаях, когда подобная сноска отсутствует, в самом тексте романа содержатся пояснения для этих реалий средневековой Руси, поскольку, вероятно, затруднения они могут вызвать и у носителей русского языка: лексемы *полавочники* (32) и *очелки* (33) передаются при помощи транслитерации (polavociniki (27), ocelki (27)), но сноски не дается, потому что в исходном тексте находим следующие пояснения: «Верхняя и нижняя части избы разделялись *полавочниками* – широкими досками, на которые ссыпалась сверху сажа»; «Он доставал их из *очелков*, особых печных ниш, где угли для растопки хранились под слоем золы».

Отметим, что, транслитерируя или транскрибируя реалии, переводчик адаптирует их под румынскую фонетику и грамматику. Так, например, лексема *армяк* (в тексте романа встречаем форму множественного числа в родительном падеже *армяков* (106)) после транскрибирования получает весьма продуктивное в румынском языке окончание множественного числа -urî и постпозитивный определённый артикль в форме множественного числа, родительного падежа -lor: "...gulerele armiacurilor" (80) '...воротами армяков'. Аналогично, реалия *берестяные грамоты* (39) не транслитерируется сразу в форме множественного числа (вариант, который бы мог иметь место при выборе этой стратегии передачи: "gramotî"): вероятно, первоначально переводчик транслитерирует начальную форму слова, после

чего, адаптируя её под румынскую грамматику, добавляет окончание -е, стандартное для склонения слов женского рода с окончанием -ă, а также добавляет постпозитивный определённый артикль -le: *gramotele* de mesteacăn (32). Текст сноски: Aici, “cărțile”, ‘Здесь: «книги»’. Подобная стратегия работы с транскрипцией и транслитерацией нам кажется удачной, поскольку она упрощает восприятие подобных экзотизмов читателями и делает письменную речь более естественной, при этом сохраняя национальный колорит и передавая основной смысл благодаря пояснениям в сносках.

Вместе с тем не всегда, как нам кажется, подобная адаптация бывает уместна. В редких случаях, когда в языке перевода существуют омонимы, может возникать двусмысленность: реалия *лучина* (47) передаётся в переводе как *lucină* (38) с типичным румынским окончанием -ă, в связи с чем читателем-носителем языка может некорректно считаться как омонимичная лексема *lucină* ‘*пастбище, поляна, вершина холма*’, являющаяся, очевидно, «ложным другом переводчика» в паре русский – румынский. Лишь благодаря комментарию в сноске возможное недопонимание исключается. Однако в тексте перевода существуют и другой вариант передачи этой же самой лексемы, когда переводчик использует гипо-гиперонимический перевод: лексема *așchia* (39), в отличие от *лучины*, обозначающей в русском языке особую разновидность щепы, которая «идет на растопку и на свет»⁷², в румынском имеет более широкое значение и может обозначать *щепу, щепку, стружку, осколок*⁷³. Нам такая стратегия представляется более удачной, потому что, несмотря на генерализацию, исключается возможная некорректная идентификация объекта читателем в связи с наличием омонима. В целом гипо-гиперонимический перевод оказывается уместным решением при работе с реалиями, описывающими быт во всех его проявлениях: так,

⁷² *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. URL: <https://clck.ru/3AZrz2> (дата обращения: 21.04.2024).

⁷³ Румынско-русский словарь. URL: <https://classes.ru/all-romanian/dictionary-romanian-russian.htm> (дата обращения: 21.04.2024).

бадьа (105) в тексте перевода становится просто «ведром» (*căldare* (79)), *буханка* (410) превращается в гипероним «хлеб» (*râinea* (301)), *ладья* (75) передаётся как «лодка» (*barcă* (58)), а *кожух* (66) – тулуп из овчины – становится «шубой», то есть, как известно, собирательным названием различных предметов верхней одежды из кожи и шерсти животных (*blană* (50)). Отдельно отметим реалию *ухват* (68), которая передаётся, на наш взгляд, весьма неожиданно, при помощи лексемы *furcă* (53) ‘вилы’, однако при анализе словарных дефиниций становится понятно, что в румынском она также обозначает собирательное «наименование инструментов или объектов, похожих на вилы»⁷⁴, таким образом, подобная генерализация нам представляется уместной. При описании построек и их частей также может весьма удачно использоваться гипо-гиперонимический перевод: *сарай* (50), то есть чаще всего небольшая деревянная постройка, служащая для хранения чего-либо, передается при помощи более широкой по значению лексемы, которая может обозначать любой «склад» или «хранилище» (*magazie* (40, 123, 130)). Лексема *сени* (138), неотъемлемая часть традиционной русской избы, также расширяется в переводе и передается при помощи уменьшительной формы слова *sală* ‘зал, коридор, прихожая’ – *săliță* (105).

Случаи параллельного функционирования в тексте перевода нескольких выбранных стратегий передачи реалии, подобные тому, о чём мы говорили выше в связи с «лучиной», мы встречаем неоднократно, и, к сожалению, не всегда оба варианта передачи равноценны в плане их корректности, и, кроме того, не всегда есть возможность восстановить первоначальную логику, стоящую за такими переводческими решениями. Так, например, реалия *береста*, занимающая особую роль в русской культуре и имевшая большое значение в развитии русской словесности, поскольку именно она служила основным материалом для письма в Древней Руси, а также активно использовалась в хозяйстве при изготовлении домашней утвари, не имеет

⁷⁴ URL: <https://dexonline.ro/definitie/furca%2083> (дата обращения: 10.05.2024).

такого же значения для румынской культуры и не обладает эквивалентом в румынском языке. Это обстоятельство, очевидно, вызывает у переводчика затруднения: в качестве стратегии передачи избирается описательный перевод, однако допускается ошибка, в связи с чем разных частях перевода романа береста становится то «корой берёзы», то «корой дуба», и аналогичная тенденция также проявляется при передаче вышеупомянутой лексемы, связанной с берестой, «берестяная грамота»:

Таблица 7. Способы передачи реалии «береста» в переводе романа

Лексема в оригинале	Лексема в переводе	Перевод с румынского
береста (17)	coaјă de mesteacăn (16)	‘кора <u>берёзы</u> ’
береста (19)	coaјă de stejar (17)	‘кора <u>дуба</u> ’
береста (423)	coaја de mesteacăn (312)	‘кора <u>берёзы</u> ’
берестяные грамоты (39)	gramotele de mesteacăn (32)	‘грамоты из <u>берёзы</u> ’
берестяные грамоты (41)	gramotele din coaјă de stejar (34)	‘грамоты из коры <u>дуба</u> ’

Безусловно, были обнаружены и успешные случаи обращения к описательному переводу в качестве стратегии передачи реалий: крайне удачно таким способом передаются понятия, связанные с жизнью русского села. Так, **конёк** (крыши) (27), традиционная деталь фасада русской избы, передаётся в переводе как *soama acoperișului* (23), букв. ‘*грива/вершина крыши*’; разновидность русской избы – **дом-пятистенник** (15) – передаётся описательно при помощи целого предложения: *casa aceasta avea cinci pereți* (15), ‘*у дома было пять стен*’. Реалия **околица**, по данным словаря С.И. Ожегова имеющая такие значения, как «1. Изгородь вокруг деревни или у края деревни; вообще край деревни. Выйти за околицу; 2. Место вокруг селения, рядом с ним, окружающая местность»⁷⁵, в процессе передачи описательным переводом несколько сужается: (126) *ieșirea din sat* (96) ‘*выход из села*’, но тем не менее такой перевод выполняет свою информационную функцию и представляется нам удачным.

⁷⁵ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com/> (дата обращения: 20.04.2024).

Описательный перевод также используется переводчиком при передаче реалии советской эпохи: лексема *садоводство* (15) в одном из своих значений – «3. Разновидность кооператива: совокупность отдельных хозяйств, состоящих из земельных участков с садами и огородами пайщиков»⁷⁶ – появилась в XX веке. Лексема используется в анализируемом романе именно в таком значении, что, на наш взгляд, успешно передаётся на румынский: в переводе воссоздаётся схожий образ при помощи словосочетания *gospodăria legumicolă* (14) ‘*овощное хозяйство*’.

Вместе с тем, как показал анализ языкового материала, описательный перевод как способ передачи реалий требует особой точности и безупречных лингвокультурологических знаний, связанных с языком, с которого осуществляется перевод, иначе высока вероятность возникновения неточностей. Более того, именно при описательном переводе читатель опирается исключительно на понимание переводчиком той или иной реалии и не может перепроверить информацию, как это бывает при транслитерации/транскрипции: если информация в сноске вызывает у читателя вопросы, он всегда может попытаться найти само транслитерированное понятие, *при описательном же переводе это невозможно*. Скорее всего, читатель-носитель языка перевода и не догадается, что была допущена ошибка. Подобные неточности имели место в следующих случаях применения описательного перевода: *резные наличники* (126), яркая деталь экстерьера русских домов, в переводе передаётся при помощи словосочетания *tocul încrustat al ușii* (96) ‘*резные дверные косяки*’, что кажется нам неточным и отдалённым от исходной версии вариантом перевода, так как в оригинале речь шла о резных наличниках – то есть о резных оконных ставнях. Вероятно, неточность связана с тем, что «наличник» вне рассматриваемого словосочетания можем относиться и к дверям, однако сочетание этой лексемы с прилагательным «резной» у носителя русского языка ассоциируется именно с окном. Мы бы предложили

⁷⁶ Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://clck.ru/3AZE27> (дата обращения: 20.04.2024).

в данном случае, передавая «резные наличники» описательно, использовать словосочетание *obloane încrustate* ‘резные ставни’, что, как нам кажется, будет ближе к оригиналу по смыслу.

Похожую неточность мы также выявили в передаче лексемы *краюха* (71) на румынский язык при помощи описательного перевода. Как известно, её лексическое значение – «большой ломоть хлеба, отрезанный от края целого каравай; большая горбушка»⁷⁷, в тексте перевода вместе с тем предлагается вариант *marginii* (55) ‘края (хлеба)’, что представляется нам не совсем точным, поскольку в таком случае подразумевается не отрезанный ломоть, а целый хлеб, от краёв которого героиня отрывает кусочки: «*Rupea de la marginii bucați mici și le punea încet în gură*», ‘Она отрывала от краёв небольшие кусочки и медленно клала их в рот’, тогда как в оригинале: «Она отламывала от краюхи...» Тем не менее в другой части романа вновь встречается эта лексема, и переводится она уже иначе, при помощи уподобления: *un codru de răine* (297) ‘кусочек хлеба’. В отличие от «краюхи», «*codru*» – не обязательно кусок, отрезанный от края, кроме того, по данным словарей⁷⁸, это лексема может употребляться не только в контексте хлеба, но и, например, такого национального румынского блюда, как мамалыга. На наш взгляд, эта стратегия при переводе лексемы «краюха» гораздо более удачна, чем описательный перевод.

Говоря о реалиях, описывающих быт, отметим, что уподобление также используется при передаче наименования незаменимого в Средневековье на Руси предмета одежды – *лантей*. Переводчик использует функциональный аналог *opincii*, реалию, обозначающую традиционную румынскую крестьянскую обувь, изготавливаемую, по данным словарей⁷⁹, из кожи или резины. Безусловно, такую стратегию можно было бы считать удачной, потому

⁷⁷ Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://clck.ru/3AZE27> (дата обращения: 20.04.2024).

⁷⁸ URL: <https://dexonline.ro/definitie/codru> (дата обращения: 10.05.2024).

⁷⁹ URL: <https://www.dex.ro/opinc%C4%83> (дата обращения: 10.05.2024).

что она прекрасно передаёт сельский колорит и позволяет избежать сложностей в восприятии реалии читателями, если бы не *уточнение касательно материала*, из которого лапти изготовлены, встреченное в тексте перевода в двух из трёх случаев передачи этой реалии. Видимо, оно делается переводчицей с целью разграничения русских лаптей и румынских опилок, однако нам такое переводческое решение представляется спорным, поскольку в оригинальном тексте указание на разновидность материала отсутствует, а традиционно лапти могли изготавливаться из различных материалов: «из древесного лыка (липовые, вязовые, ивовые и другие), бересты или пеньки»⁸⁰. Более того, в тексте перевода мы встречаем некоторую непоследовательность, А. Личиу то делает это разграничение, то переводит лапти просто как «опинки»:

Таблица 8. Способы передачи реалии «лапти» в переводе романа

<i>Лексема в оригинале</i>	<i>Лексема в переводе</i>	<i>Перевод с румынского</i>
лапти (136)	opinci (103)	‘опинки’
лапти (173)	opinci din coajă de tei (130)	‘опинки из коры липы ’
лапти (82)	opinci (63) Текст сноски: Opinci din coajă de tei .	‘опинки’ Текст сноски: ‘Опинки из коры липы ’

Однако наиболее частотное уподобление при передаче наименований блюд. В большинстве случаев эта стратегия удачна, благодаря ей переводчик фактически заменяет неизвестное читателю блюдо на понятное, знакомое, но при этом по своей сути приближенное к оригиналу: **голубцы** (314) передаются как sarmale (232), румынское блюдо, напоминающее голубцы и долму; **каша** (378) заменяется на румынское saşă (279), блюдо, похожее на русскую кашу; **холодец** (314) передаётся при помощи лексемы riftie (232), обозначающей блюдо румынской кухни, также изготавливаемое из застывшего бульона. Тем не менее не всегда функциональный аналог выбирается переводчиком удачно: **винегрет** (314), традиционный в России салат, передаётся на румынский лексемой vinegretă (232), которая, безусловно, похожа своим графическим

⁸⁰ Лапти. Бугульминский краеведческий музей // Артефакт – гид по музеям России. URL: <https://ar.culture.ru/ru/subject/bugulma-18-veka-6> (дата обращения: 11.05.2024).

обликом на русское наименование, однако является «ложным другом переводчика» и имеет совершенно иное, не связанное с салатом лексическое значение: «холодный соус, приготовленный из уксуса, растительного масла, соли и перца»⁸¹. На наш взгляд, более уместно было бы использовать в данном случае описательный перевод: *salată din sfeclă* ‘салат, приготовленный из свеклы’.

Реалия *полуденный калач* (188) также передаётся при переводе при помощи уподобления, в качестве функционального аналога выступает румынская реалия, хлебобулочное изделие *colac*, похожее на русский калач, однако переводчик не совсем точно передаёт определение к нему: *colac pentru amiază* (141) ‘калач для полудня’. Вероятно, подобная неточность связана с тем, что это редкое прилагательное, являющееся, безусловно, историзмом, было воспринято или некорректно прочитано в оригинале романа как «полуденный». С нашей точки зрения, здесь уместнее было бы избрать описательный перевод, эксплицитно передав прилагательное словосочетанием «ценой в половину деньги», транслитерировав название валюты «денга (деньга)», которая была распространена в Древней Руси, и дав соответствующий комментарий в сноске: ‘*colac de jumătate de denга*’, текст сноски: “*Denга (rusă: «денга») – monedă răspândită în Vechea Rusie*”, ‘*Денга – денежная единица, которая была распространена в Древней Руси*’.

Что касается калькирования, то этот способ передачи реалий мы обнаружили в трёх бытовых этнографических реалиях, считаем его применение удачным и оправданным: довольно точно передавая колорит, калькирование позволяет не только донести смысл, но и сохранить внешнюю форму слова-реалии. В двух случаях из трёх калькирование сопровождается экспликацией в сноске:

⁸¹ URL: <https://dexonline.ro/definitie/vinegret%C4%83> (дата обращения: 10.05.2024).

Таблица 9. Бытовые реалии, переданные при помощи калькирования

<i>Лексема в оригинале</i>	<i>Лексема в переводе</i>	<i>Перевод с румынского</i>
земляная тюрьма (190)	închisoare de rământ (142) Текст сноски: Groapă în care erau ținuți datornicii, ostaticii etc.	‘земляная тюрьма’. Текст сноски: ‘Яма, в которой держались должники, заложники и т.д.’
колодец-журавль (121)	puț cu cocor (92) Текст сноски: Așa se numește în rusă puțul cu cumpănă.	‘колодец с журавлём’. Текст сноски: ‘Так на русском называет колодец с механизмом по поднятию воды’
(топили) по-чёрному (32)	(se încălzeau) la negru (27)	‘(топили) в чёрную’

В последнем случае, представленном в таблице, пояснение в сноске не дается, однако благодаря контексту становится ясно, что имеется в виду: “...la negru, adică cu tot fumul înauntru” (27), ‘...по-чёрному, то есть весь дым шёл внутрь’. Отметим, что это переводческое добавление, в оригинальном тексте подобного пояснения не было: «Топили они, как и все вокруг, по-черному» (32).

2) Труд

Реалии, входящие в эту тематическую подгруппу, не представлены в романе широко (были обнаружены лишь три лексемы), и все они связаны со знахарством – видом трудовой деятельности, имевшим место в Средневековье. Две из них передаются при помощи описательного перевода, благодаря которому переводчику удаётся довольно точно передать содержание, и, на наш взгляд, колорит средневековой Руси и атмосферу знахарства: травник (16) – *tămăduitor de iarbă* (15) ‘целитель травами’; травное дело (21) – *tainele ierburilor* (18) ‘тайны трав’.

Ещё одна лексема, обозначающая уже не род деятельности, а один из важнейших источников знаний для травников – *лечебник* (146) – передается в тексте перевода при помощи транслитерации и комментария в сноске: *lecebник* (110), текст сноски: *Carte de medicină populară* ‘Книга народной медицины’, что представляется нам также удачно выбранной стратегией.

3) Искусство и культура

Эта подгруппа представлена в тексте романа десятью реалиями, все они связаны не столько с искусством, сколько с культурой в более широком смысле – с культом, верованиями, религией и традициями. Четыре из них переведены при помощи транслитерации, дважды встречается уподобление, один раз описательный перевод, один раз описательный перевод в сочетании с уподоблением, при переводе одной реалии нам встретилось калькирование.

Так, при помощи транслитерации передаются на румынский язык синонимичные друг другу реалии *скудельница* (107) и *божедомка* (107) – место захоронения умерших без покаяния. В самом тексте даётся пояснение для этих реалий, потому в дополнительных комментариях в сноске нет необходимости. Экспликации даются при транслитерации наименования праздника *Семик* (108) и популярного в России по сей день обращения *земляк* (48). Отметим, что эта форма обращения сопровождается в тексте перевода введением формы звательного падежа, что представляется нам удачным, поскольку позволяет более естественно передать устную речь и иронический контекст⁸². Однако, на наш взгляд, пояснение, которое даётся переводчиком к названию праздника, не достаточно подробно, так как позволяет лишь понять, от какого слова образовано название, но никак не раскрывает суть этого восточнославянского праздника:

Таблица 10. Реалии из тематической группы «Искусство и культура», переданные транслитерацией

<i>Лексема в оригинале</i>	<i>Лексема в переводе</i>	<i>Перевод с румынского</i>
Семик (108)	Semik (81) Текст сноски: De la <i>sem'</i> – șapte (rus.).	‘Семик’. Текст сноски: ‘Образовано от слова «семь».’
земляк (48)	zemliak (<u>zemliakule</u>) (39) Текст сноски: Cuvântul, care înseamnă consătean, concetățean, vine de la <i>zemlia</i> – ”pământ” (rus.).	‘земляк’. Текст сноски: ‘Слово, обозначающее жителя одного села, соотечественника, образовано от слова «земля»’.

⁸² Подробнее об использовании особых форм вокатива как переводческой стратегии см. с. 84.

Ещё одна лексема, связанная с темой захоронений, которая встречается в тексте – *заложные* (108) – восходит к традиционным славянским верованиям и обозначает «умерших неестественной или преждевременной смертью»⁸³. В славянском народном сознании такие покойники были связаны с «демонологическими существами и природными стихиями»⁸⁴, а потому вызывали страх: их по-особому хоронили и не совершали над ними панихид. И поскольку в румынском языке и культуре подобной реалии не существует, выбор стратегии гипо-гиперонимического перевода и, соответственно, замена «заложных» на более широкое понятие *nesurați* (81) ‘*нечистые*’ нам кажется удачными и оправданными.

Среди стратегий передачи этнографических реалий, связанных с культурой, также встречаем уподобление: оно используется при передаче реалии *юродивый* (178) и связанного с ней глагола *юродствовать* (179). Аналоги «юродивых» встречаются во многих христианских культурах, однако обладают своими национальными особенностями, потому, на наш взгляд, можно говорить не о прямом эквиваленте для этой лексемы, а о функциональном аналоге: в тексте перевода лексемы получают соответствия *nebun întru Cristos* (133) букв. ‘*безумец ради Христа*’; *a se arăta nebun întru Hristos* (134) букв. ‘*выглядеть как безумец ради Христа*’ – для передачи ёмкого по смыслу глагола, помимо уподобления, переводчик прибегает к описательному переводу.

При переводе лексемы *просфоры* (396) переводчик также прибегает к уподоблению, на наш взгляд, неуместному в данном случае: несмотря на то, что большинство населения как Румынии, так и России исповедует православие и «просфора» является общей реалией для наших культур, переводчик прибегает к функциональному аналогу *ostii* (292) ‘*гостии*’, что,

⁸³ *Королёва С.Ю., Четина Е.М.* Ещё раз о «заложных» умерших: народные и церковные поминальные традиции // Зеленинские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. (Киров, 12 ноября 2013 г.) С. 69. URL: <https://kurl.ru/tvBrc> (дата обращения: 29.04.2024).

⁸⁴ Там же.

с нашей точки зрения, является ошибкой. Дело в том, что просфоры и гостии – разновидности ритуального хлеба, кардинальным образом отличающиеся друг от друга: они используются в разных конфессиях (просфоры – в Восточном христианстве, а гостии – в Западном), по-разному выглядят, отличаются составом. Как известно, православные просфоры изготавливаются из квасного теста, а католические/лютеранские гостии – из пресного. Эти реалии, на наш взгляд, не взаимозаменяемы. Более того, в румынском языке существует прямой эквивалент – *prescură* ‘просфора’.

Говоря об описательном переводе, нельзя не упомянуть также реалию *матерно* (ругались) (182). Здесь переводчик прибегает к описательному переводу, используя устойчивое выражение, означающее крайнюю степень чего-либо: *(înjurau) de mamă* (136) ‘(ругались) *очень сильно*’. На наш взгляд, описательный перевод в данной ситуации уместен, поскольку реалия «русский мат» не имеет эквивалентов в других языках и, безусловно, является важной частью русской культуры, несмотря на свою негласную табуированность и законодательные ограничения в его употреблении.

Калькирование используется при передаче лишь одной этнографической реалии, связанной с культурой, и, с нашей точки зрения, реализуется успешно, позволяя воссоздать мифологический образ славянской богини *Матери сырой земли* (108), его словесную реализацию благодаря дословному калькированию входящих в состав исходной лексемы корней и даже его фонетический образ благодаря комментарию в сноске:

Таблица 11. Реалия «Мать сыра земля»

Лексема в оригинале	Лексема в переводе	Перевод с румынского
Мать сыра земля (108)	Мама-glie umedă (81) Текст сноски: <i>Mat' sâra zemlia</i> - personificare a rământului, cea mai veche zeitate în mitologia slavă.	букв. ‘Сырая мать-земля’. Текст сноски: ‘ <i>Mat' sâra zemlia</i> – персонификация земли, древнейшее божество в славянской мифологии’.

III. Общественно-политические реалии

Эта группа представлена в романе не так широко, как этнографические реалии: нами было обнаружено 13 наименований, которые были разделены на три подгруппы: **1. Административно-территориальное устройство; 2. Органы и носители власти; 3. Общественно-политическая жизнь.** В отличие от остальных групп реалий, здесь обнаружились достаточно ясные тенденции относительно наиболее частотных стратегий перевода: ими стали гипо-гиперонимический перевод (около 38% случаев) и уподобление (также около 38%).

Кроме того, отметим, что часть реалий общественно-политической жизни являются общими для русской и румынской культуры, в связи с чем они обладают прямыми эквивалентами в румынском языке и не нуждаются в особом рассмотрении: по историческим причинам в средневековой Румынии также были бояре и князья, в связи с чем в языке имеются прямые эквиваленты: *boier*, *sneaz*. Кроме того, имеют свои эквиваленты многие лексемы, связанные с православием, религией, объединяющей эти народы: старец (в значении «настоятель монастыря») – *stareț*, иерей – *iereu*, епископ – *episcop* и т. д. По этой причине в настоящем разделе мы рассматриваем лишь те реалии, встреченные в романе, которые не имеют прямых эквивалентов в румынском языке и требуют особого подхода.

1) Административно-территориальное устройство

Реалии *кремль* (175) и *кром* (175), обозначающие традиционную на Руси укрепленную часть города, передаются при помощи гипо-гиперонимического перевода: они заменяются переводчиком на более широкое и общее наименование *cetate* (131) «*крепость*». Похожая ситуация обстоит с лексемой *слободка*, неоднократно встречающейся в тексте романа, как минимум трижды реалья передается при помощи гипо-гиперонимического перевода, трансформируясь в более широкое наименование *sat* (13, 71, 83) «*село*», что представляется нам крайне удачным

решением. Однако переводчик не ограничивается единственным способом перевода этой реалии и прибегает к румынской лексеме *slobozie* (35, 68). Несмотря на похожесть внешнего облика слова, на наш взгляд, «*slobozie*» не является эквивалентом для русской «слободы»: во-первых, в ряде словарей в качестве первой дефиниции⁸⁵ этой лексемы указано значение абстрактного существительного «свобода», чего нет в русском языке; во-вторых, если говорить о значении, связанном с разновидностью населённого пункта, во всех толковых словарях румынского языка отмечается, что это поселение колонистов⁸⁶, освобожденных от уплаты повинностей, «иностранцев, в особенности беглецов»⁸⁷, по данным некоторых словарей. В русском языке лексема «слобода» обладает более нейтральным значением: «Населенный пункт в сельской местности большого размера с не крепостным населением (до XVII в. — поселение, освобожденное от княжеской повинности) либо населенный пункт небольшого размера, заселенный торговцами или ремесленниками»⁸⁸. Что касается наименования жителей слободы, *слободские* (52), переводчик прибегает к гипо-гиперонимическому переводу: *săteni* (42) ‘*сельчане*’.

Ещё одно наименование населённого пункта, *хутора* (45), передаётся при помощи уподобления, заменяется на функциональный аналог, румынскую реалию *sătune* (37). Наименования по своей сути похожи, обозначают небольшой населённый пункт, однако в русском языке лексема «хутор» обладает более разнообразным спектром значений: это и просто небольшое селение⁸⁹, и усадьба, объединенная вместе с пахотными и

⁸⁵ URL: <https://dexonline.ro/definitie/slobozie/definitii> (дата обращения: 26.04.2024).

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Micul dicționar academic, ediția a II-a. Academia Română, Institutul de Lingvistică. Editura Univers Enciclopedic, 2010. URL: <https://dexonline.ro/sursa/mda2> (дата обращения: 26.04.2024).

⁸⁸ *Бабенко Л.Г.* Большой толковый словарь русских существительных. URL: <https://clck.ru/3AZ9yu> (дата обращения: 20.04.2024).

⁸⁹ Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://clck.ru/3AZE27> (дата обращения: 20.04.2024).

лесными угодьями⁹⁰, и сельское поселение при освоении новых земель⁹¹ и т.д. На наш взгляд, по этой причине мы не можем поставить знак равенства между русской реалией «хутор» и румынской «сăтун».

2) Органы и носители власти

В этой категории было проанализировано пять реалий. Две из них передаются при помощи транскрипции (**сотник** (186) – sotnic (139)) и транслитерации (**посадник** (198) – posadnic (148)) и сопровождаются комментариями в сноске:

Таблица 12. Реалии из группы «Органы и носители власти», переданные с помощью транскрибирования

Лексема в оригинале	Лексема в переводе	Перевод с румынского
посадник (198)	posadnic (148) Текст сноски: Șeful administrației locale în vechea Rusie.	‘посадник’ Текст сноски: ‘Глава местного управления в Древней Руси’.
сотник (186)	sotnic (139) Текст сноски: Comandant al unei sotnii (unitate de cavalerie căzăcească, compusă din o sută de oameni).	‘сотник’ Текст сноски: ‘Командующий сотни (подразделение казачьей кавалерии, состоящее из сотни человек)’.

Передавая другое наименование древнерусского должностного лица, реалию **тысяцкие** (438), переводчик выбирает гипо-гиперонимический перевод и расширяет исходное значение: oficialități (322) ‘официальные лица’.

Уподобление применяется при передаче названия должностного лица **тиун** (271), боярского или княжеского управляющего: русский титул заменяется функциональным аналогом, румынской реалией vechil (201), обозначающей лицо, занимающееся похожей деятельностью – управлением помещьем.

⁹⁰ Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 02.05.2024).

⁹¹ Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я. Большой юридический словарь. М.: Инфра, 2003. URL: <https://kurl.ru/LjFiJ> (дата обращения: 01.05.2024).

Кроме того, в тексте романа встречается реалия советского периода: *уездная ЧК* (15). При её передаче переводчик сочетает два приёма, транскрибируя аббревиатуру и заменяя определение «уездная» на функциональный аналог, т. е. прибегая к уподоблению как переводческой стратегии. Дается также экспликация в сноске:

Таблица 13. Реалия «уездная ЧК»

Словосочетание в оригинале	Словосочетание в переводе	Перевод с румынского
уездная ЧК (15)	СЕКА districtuală (14) Текст сноски: Comisia extraordinară pe întreaga Rusie pentru combaterea contrarevoluției și a sabotajului, înființată în 1917 de Lenin.	букв. 'районная ЧК'. Текст сноски: 'Чрезвычайная комиссия, функционировавшая на всей территории России в целях борьбы с контрреволюцией и саботажем, основанная в 1917 году Лениным'.

3) Общественно-политическая жизнь

Обе реалии, которые мы отнесли в эту категорию, в переводе переданы уподоблением. В одном из случаев оно используется, на наш взгляд, крайне удачно: *оброк* (63), название крестьянской повинности, существовавшей на Руси, заменяется переводчиком на лексему, обозначающую крестьянскую повинность, существовавшую в средневековой Румынии, – *dijme* (50) букв. 'десятины' (в переводе используется множественное число лексемы *dijmă* 'десятина').

Однако, говоря о передаче лексемы *мещанин* (271), не совсем удачной нам представляется её замена на румынскую реалию *târgoveț* (201), обозначающую 'горожанина' или 'жителя окраины'. Дело в том, что для русской культуры понятие «мещанство» является более широким и обозначает целое сословие, обладающее своими специфическими чертами. С нашей точки зрения, реалию стоило бы транскрибировать и дать комментарий в сноске.

Выводы по главе 1

В теоретической части главы 1 были уточнены определения понятий «БЭЛ» и «реалия», термин «реалия» был отграничен от других понятий. Были изучены основные *классификации реалий и приёмов их передачи*, были избраны классификации, на которых основывается настоящее исследование.

В ходе анализа языкового материала было выявлено более 100 реалий, они были систематизированы и проанализированы. Наиболее обширной оказалась категория «*Этнографические реалии*». Наиболее продуктивными стратегиями передачи реалий при переводе оказались транскрипция и транслитерация (около **25%**), уподобление (около **25%**), гипо-гиперонимический перевод (около **21%**), описательный перевод (около **19%**). Реже всего переводчик прибегал к калькированию (около **7%**). Анализ показал, что *уподобление* и *гипо-гиперонимический перевод* позволяют переводчику создать в сознании читателя целостную картину, не углубляясь в усложняющие восприятие детали и избегая затрудняющих понимание экзотизмов. *Транскрипция* и *транслитерация*, напротив, делают описание более детальным и точным, но усложняют восприятие, т.к. вводят экзотизмы и сопровождаются сносками в большинстве случаев. *Описательный перевод* – наиболее рискованная стратегия с точки зрения вероятности возникновения ошибки, требующая безупречных лингвокультурологических знаний.

Перед переводчиком стоял ряд непростых задач (в частности, перевод фитонимов), с большинством из которых он успешно справился.

Имеется в переводе и ряд неточностей. Очевидные трудности у переводчика (не носителя русского языка) вызвали реалии *береста, лапти, полуденежный калач, резные наличники, краюха, просфоры*. Кроме того, в тексте перевода мы наблюдаем некоторую непоследовательность: одни и те же лексемы могли быть переведены несколькими разными способами (*береста, слобода, лучина*).

Глава 2. Приёмы стилизации текста

2.1. Понятие стилизации и её воплощение в тексте романа

Тема времени, безусловно, играет особую роль в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр». В какой-то момент читателю может показаться, что времени и вовсе не существует: в лесу XV века вдруг появляется атрибут современности – пластиковые бутылки, а персонажи, живущие в Средние века, к удивлению читателя, начинают использовать в своей речи канцеляризмы советской эпохи или современный русский жаргон. Фактически автор «играет» в особую стилистическую игру с читателем: поначалу погружает его в средневековый быт, вводя в текст большое число реалий, обладающих историческим колоритом, используя особый архаичный язык, а потом вдруг «выдёргивает» читателя из этой среды, возвращает его назад, в современность, напоминая о том, что время – понятие условное. Приведём в пример один из эпизодов, хорошо иллюстрирующий этот эффект:

«Посадник Гавриил подивился мудрости Арсения и спросил: Что ти, брате Устине, для жития твоего благопотребно? Проси у мя, и дарую ти. <...>

Дажь же ему великий град Псков, сказал юродивый Фома. И се довлеет ему на пропитание.

Посадник не произнес ни слова, ибо он не мог отдать Арсению целый город. Юродивый же Фома, увидев, что посадник Гавриил опечален, рассмеялся:

Да не парься ты, ё-моё. Не можешь дать ему этот город – не давай. Он и без тебя его получит». (199)

Подобные «встряхи́вания»⁹² читателя, проявляющиеся в резкой «смене стиля и ритма повествования»⁹³, встречаются на протяжении всего романа и осуществляются за счёт приёмов **стилизации**, под которой мы пониманием «воспроизведение особенностей (или “колорита”) чужой речи в изобразительных целях»⁹⁴. В рассматриваемом романе приёмы стилизации

⁹² Купка В. Как сделан «Лавр» Е. Водолазкина // *Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Slavica L. Debrecen*, 2021. С. 248.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Москвин В.П. Лингвистическая стилизация и пародия // *Филологические беседы*, № 2, 2004. С. 45. URL: <https://clck.ru/3AYmc3> (дата обращения: 25.04.2024).

можно разделить на две достаточно широкие группы: приёмы, 1) используемые с целью *архаизации* языка и, напротив, 2) используемые с целью *осовременивания* архаизированной речи. Сочетаясь друг с другом, и, с одной стороны, воспроизводя средневековый русский колорит, демонстрируя внутренний мир человека тех времён, его религиозное мышление, а, с другой стороны, разрушая этот эффект «вкраплениями пятен иных времён на древнерусском фоне»⁹⁵, они создают «гармонию одновременья»⁹⁶, то есть гармонию сосуществования в рамках одного текста, казалось бы, чужеродных по отношению друг к другу элементов из различных эпох, пространственно-временных пластов, лексем различной стилистической окраски. Тем самым у читателя возникает ощущение отсутствия дистанции между современным миром и стариной, автор сближает Древнюю Русь и современную Россию, предлагая «вернуться к средневековой религиозности и пережить этот опыт как современный»⁹⁷. Недаром сам автор определяет жанр своего произведения как «неисторический роман», главным героем которого Евгений Германович делает человека в наиболее широком смысле, человека вне времени и вне привязки к определённой исторической эпохе: «Конечно, это роман не о Средневековье. И не средневековые люди там действуют. Это роман даже не о современнике. Он о «вневременнике». О человеке, который один и тот же, хорошо это или плохо, и в Средневековье, и сейчас, со своими проблемами, любовью, завистью, ненавистью»⁹⁸.

⁹⁵ Купка В. Как сделан «Лавр» Е. Водолазкина // *Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Slavica L. Debrecen*, 2021. С. 248.

⁹⁶ Там же. С. 247.

⁹⁷ Шуринова Н.С. «Мертвый язык» как средство воскрешения субъективности «другого» в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» // *Новое прошлое*, № 4, 2016. С. 106. URL: <https://clck.ru/3AYms2> (дата обращения: 03.05.2024).

⁹⁸ Лученко К. Евгений Водолазкин: Человек в центре литературы (интервью). Сетевое издание Правмир, 29.01.2014. URL: <http://www.pravmir.ru/chelovek-v-centre-literatury/> (дата обращения: 05.05.2024).

Вместе с тем, по мнению словацкого исследователя В. Купки⁹⁹, этот эффект «вневременного времени» связан не только с языковыми и стилистическими особенностями романа, но вытекает из самой структуры, композиции произведения. Как известно, «Лавр» состоит из четырёх частей: Книга Познания, Книга Отречения, Книга Пути, Книга Покоя, в которых, как отмечает Е.А. Иванова, «жизнь Арсения прослежена в четырех ипостасях: от восприимчивого ребенка до молодого врача, травника и целителя, Устина – от раскаявшегося юноши, взвалившего на себя груз вины в смерти возлюбленной Устины, до странника, юродивого, паломника в Святую Землю, Амвросия – от монаха, лекаря, целителя, предсказателя судеб человека и мира, врача, Лавра до схимника, спасителя Анастасии с её ребенком, святого»¹⁰⁰. Словацкий исследователь сопоставляет такую четырёхчастную структуру произведения с композицией житийных икон, состоящих из нескольких клейм, таким образом, что части романа, каждая из которых представляет собой «книгу-клеймо», в которой сочетается «время личное и историческое, настоящее, прошлое и будущее», преодолевают «разновременье» и повествуют о «круговом движении от рождения к смерти и рождению в иной мир, мир безвременья».

Рассмотрим две вышеназванные траектории стилизации текста в романе Е.Г. Водолазкина – *архаизацию* и *осовременивание* – более подробно. *Архаизация* языка романа и, как следствие, историческая стилизация текста, лежащая в основе описанного выше эффекта преодоления времени, достигается в первую очередь благодаря *билингвизации художественной речи*¹⁰¹. Особую сложность для переводчика представляет тот факт, что «билингвизм» в данном случае очень условен, поскольку складывается не из пары конкретных языков, а из смеси различных стилистических пластов

⁹⁹ Купка В. Как сделан «Лавр» Е. Водолазкина // *Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Slavica L. Debrecen*, 2021. С. 246-247.

¹⁰⁰ Иванова Е.А. Лингвокультурологический потенциал романа Е. Водолазкина «Лавр» // *Мир русского слова*, № 3, 2014. С. 67. URL: <https://kurl.ru/xEdpx> (дата обращения: 01.05.2024).

¹⁰¹ Шуринова Н.С. «Мертвый язык» как средство воскрешения субъективности «другого» в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» // *Новое прошлое*, № 4, 2016. С. 106. URL: <https://clck.ru/3AYms2> (дата обращения: 03.05.2024).

современного русского языка и разнородных *архаичных языковых элементов*, которые в совокупности рожают особый «*“водолазкинский”*» вариант древнего языка, используемого в художественных целях»¹⁰². Складывается он из следующих лексических единиц: 1) *устаревшая лексика* русского языка, зафиксированная в словарях, – *архаизмы* (например, «уд», «адамант») и *историзмы* («боярин», «оброк»); 2) словоформы *древнерусского* языка («жити», «помози»); 3) словоформы *старославянского и церковнославянского* языков, в том числе отрывки из Священного Писания (Библии), апокрифов, преданий и других древних текстов: например, на церковнославянском приводится библейский афоризм из Книги Притчей Соломоновых («Соломон рече: три ми суть невозможни уразумети, и четвертаго не вем: следа орла, паряща по воздуху, и пути змия, ползуща по камени, и стези корабля, плывуща по морю, и путей мужа в юности его» (66)).

Объединяет все эти языковые элементы тот факт, что как устаревшая лексика русского языка и древнерусская лексика, так и иноязычные словоформы – старославянизмы и церковнославянизмы – воспринимаются современным «носителем русского языка как своего рода инородные вкрапления»¹⁰³, в связи с чем в качестве обобщающего наименования для архаичной лексики в романе «Лавр» Н.С. Шуринова предлагает термин *мёртвый язык*¹⁰⁴. Мы разделяем точку зрения исследовательницы и в нашей работе рассматриваем мёртвый язык в романе Е.Г. Водолазкина как один из основных *приёмов исторической стилизации художественного текста*, требующий, как и реалии, проанализированные ранее, *особого подхода* при переводе на румынский язык.

¹⁰² Шуринова Н.С. «Мертвый язык» как средство воскрешения субъективности «другого» в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» // Новое прошлое, № 4, 2016. С. 103. URL: <https://clck.ru/3AYms2> (дата обращения: 03.05.2024).

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

Как отмечает В.С. Виноградов, *историческая (временная, темпоральная) стилизация* в переводе – «сохранение с помощью лексических, морфологических и синтаксических средств связи современного языка перевода с родным языком более ранних эпох с целью создания особого стилистического эффекта соотнесенности с прошлым»¹⁰⁵. Это крайне непростая задача, требующая от переводчика особых усилий и осторожности: «временная стилизация – понятие переводческого искусства», осуществляемое «умелым, неназойливым, осторожным включением в текст устарелых слов, оборотов и синтаксических конструкций»¹⁰⁶.

Говоря об «осовременивании» архаизированной речи, отметим, что очень часто этот приём стилизации застаёт читателя романа врасплох: персонажи из XV века вдруг начинают говорить на современном нам языке. Эта языковая игра может осуществляться за счет встраивания в речь жителей Древней Руси как 1) нейтральных по своей стилистической окраске лексем современного русского языка; так и 2) канцеляризмов («Результат *литерпевтических мероприятий* или чудо Господне?...» (215)); и 3) разговорной лексики, просторечий, жаргонизмов («засранцев» (192), «сей фрукт» (192), «линяйте отсюда» (193)); и 4) ругательств, в том числе общенной лексики («А вы, сукины дети...» (183), «Нога... Доездили, бля» (157)). Основная цель этого приёма – сблизить средневекового и современного человека, сделать язык произведения, как выразился сам автор в одном из интервью, более «живым»: «Я всё думал, как сделать церковнославянский живым <...> И решил дать современный язык, причем, в таких формах, как канцелярит, иногда — бранная лексика. Это было такое движение по лезвию ножа, очень легко куда-то свалиться»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Виноградов В.С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. С. 75.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Лученко К. Евгений Водолазкин: Человек в центре литературы (интервью). Сетевое издание Правмир, 29.01.2014. URL: <http://www.pravmir.ru/chelovek-v-centre-literatury/> (дата обращения: 05.05.2024).

Подобная стилистическая «пёстрость» или, как отмечает молдавская исследовательница И. Друцэ, «амальгама различных лингвистических и стилистических регистров»¹⁰⁸ в рамках одного текста, безусловно, представляет особую сложность для переводчика. Более того, при переводе необходимо сохранить существующий в оригинальном тексте *контраст* между архаизированной и осовремененной речью, между двумя «языковыми стихиями»¹⁰⁹, как говорит сам Е.Г. Водолазкин, чтобы читатель текста перевода испытал похожее ощущение «безвременья» и воспринял авторскую языковую игру. В следующем разделе мы рассмотрим лексические и грамматические стратегии, позволившие частично сохранить этот колорит исходного текста в переводе на румынский язык. Вместе с тем отметим, что роман Е.Г. Водолазкина был опубликован более чем в 20 странах, и не в каждом из переводов удалось этого достичь.

Так, например, в переводе романа на финский язык «пришлось смириться с тем, что вместо архаизмов использовались всего лишь графические иллюстрации — буквицы, которые создают архаичный эффект, и еще стилистические детали, отдельные устаревшие слова»¹¹⁰, в частности, при передаче имён собственных переводчик прибегал к их карельским вариантам: «святитель Кирилл Белозерский стал именоваться Kirilä Valgetjärveläinen (кар.), а не Kirill Valkeajärveläinen (совр. фин.)»¹¹¹. Что касается старославянизмов и церковнославянизмов, этот элемент «мёртвого языка» сохранить в переводе не удалось. Э. Кахла, выступившая в роли переводчика романа на финский язык, связывает это с тем, что в «финском языке библейские и церковные тексты звучат вполне

¹⁰⁸ *Druță I.* Dificultăți de traducere în limba română a romanului Laur de Evgheni Vodolazkin. P. 238. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/238-245_6.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ *Кахла Э.* Восприятие и перевод романа «Лавр» Евгения Водолазкина в Финляндии // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин. Коллективная монография под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего, Краков, 2019. С. 445. URL: <https://clck.ru/3AYng2> (дата обращения: 01.05.2024).

¹¹¹ Там же.

современно»¹¹², а если обращаться к ранним переводам Библии на финский язык XVI века, то их язык настолько архаичен, что не был бы воспринят читателями корректно и не смог бы выполнить те функции, какие несёт архаизированная лексика в оригинале.

Что касается перевода романа на польский язык, то в нём, по мнению Э. Тышковска-Каспшак, переход между двумя «языковыми стихиями» также «не столь резок и отчасти другого характера»¹¹³, поскольку многие «стилистические игры»¹¹⁴ не всегда были сохранены переводчиком, а зачастую были переведены на стандартный литературный язык. Кроме того, совсем иначе переводчик подошёл к передаче старославянизмов и церковнославянизмов, заменив этот пласт лексики «языком польской Библии»¹¹⁵, очевидно, католической. Подобное «подчеркивание католической традиции в тексте, описывающем преимущественно православную Русь»¹¹⁶, по мнению другого польского исследователя А. Козиол, далеко не всегда уместно, а в некоторых случаях даже может заставить польского читателя «почувствовать себя обманутым»¹¹⁷.

При передаче водолазкинскогo «мёртвого языка» на грузинский переводчик также ищет отправные точки в самом грузинском, работая сразу с несколькими источниками архаичного языка, опираясь на их «текстовые

¹¹² *Кахла Э.* Восприятие и перевод романа «Лавр» Евгения Водолазкина в Финляндии // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин. Коллективная монография под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего, Краков, 2019. С. 445. URL: <https://clck.ru/3AYng2> (дата обращения: 01.05.2024).

¹¹³ *Тышковска-Каспшак Э.* Восприятие романа «Лавр» Евгения Водолазкина в Польше // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин. Коллективная монография под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего, Краков, 2019. С. 434. URL: <https://clck.ru/3AYng2> (дата обращения: 01.05.2024).

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ *Козиол А.* Религиозная лексика и возможность ее передачи на польский язык (на материале романа «Лавр» Евгения Водолазкина) // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин. Коллективная монография под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего, Краков, 2019. С. 471. URL: <https://clck.ru/3AYng2> (дата обращения: 01.05.2024).

¹¹⁷ Там же. С. 472.

модели»¹¹⁸. Так, при переводе церковнославянизмов, отрывков из Священного Писания Т. Рекк-Котрикадзе обращается к древнегрузинскому переводу Библии, а для передачи других архаизированных языковых элементов – к важному для грузинской литературы сборнику притч XVII века, язык которого, с одной стороны, понятен носителю современного грузинского языка, а с другой – сохраняет в себе «аромат древности»¹¹⁹.

Абсолютно иной путь передачи архаизации текста избирает переводчик романа на арабский язык. Будучи частью иной языковой семьи, семитской, арабский вынуждает Т.Р. Азиза прибегнуть к совершенно другому «инструментария», отсутствующему в языках индоевропейской семьи – к огласовкам, о чём в статье «Особенности перевода устаревших слов в романе Евгения Водолазкина “Лавр” на арабский язык» пишет сам переводчик: «Чтобы показать читателю, какие фразы древние, в тексте перевода я использовал огласовки (система надстрочных и подстрочных диакритических знаков, используемых в арабском письме для обозначения кратких гласных звуков и других особенностей произношения слова, не отображаемых буквами), как в религиозных текстах»¹²⁰.

Каким образом с этой задачей справился переводчик романа на румынский язык?

¹¹⁸ Рекк-Котрикадзе Т. Роман Евгения Водолазкина «Лавр» на грузинском языке — языковая и стилистическая многоплановость текста и сложности перевода // Миры литературного перевода: Сборник докладов участников V Международного конгресса переводчиков художественной литературы (Москва, 6–9 сентября 2018 г.) Т. 2. М., 2020. С. 93.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Азиз Т.Р. Особенности перевода устаревших слов в романе Евгения Водолазкина «Лавр» на арабский язык // Миры литературного перевода: Сборник докладов участников V Международного конгресса переводчиков художественной литературы (Москва, 6–9 сентября 2018 г.) Т. 2. М., 2020. С. 127.

2.2. Анализ стратегий передачи приёмов стилизации художественного текста в переводе романа «Лавр» на румынский язык

Прежде чем перейти к более детальному рассмотрению стратегий, избранных переводчиком для передачи приёмов стилизации, и к их систематизации, обозначим общие тенденции, которые нам удалось выявить в тексте перевода. Нами было проанализировано около 100 отрывков из оригинального текста романа, где встречается стилизация художественной речи. Отметим, что в около 20% проанализированных нами эпизодов авторская стилизация при переводе была сведена к минимуму и была фактически полностью заменена стандартным литературным румынским языком. К сожалению, далеко не всегда подобная замена оправданна.

Например, в эпизоде смерти Христофора билингвизация художественной речи, по мнению Н.С. Шуриновой, выполняет особую функцию: «Сама смерть может осмысляться в романе в рамках различных категорий, что также выделяется посредством билингвизации художественной речи. При помощи иноязычия определенная ситуация встраивается в древнерусский контекст и переживается в нем. Так, смерть Христофора, представленная как мирная кончина, логичное завершение жизненного пути и переход в вечность, воссоединение с Богом, в репликах персонажа звучит на мертвом языке»¹²¹. В тексте перевода, напротив, данный контраст отсутствует, а слова Христофора звучат вполне современно. Лишь в нескольких лексемах (выделены полужирным курсивом) присутствует оттенок архаичности – *zăbavă* ‘*промедление, задержка*’ (в ряде словарей приводится с пометой *rar* ‘редк.’) и *veac* ‘*век*’ вместо более привычного для современного румынского языка *secol* ‘*век*’:

¹²¹ Шуринова Н.С. «Мертвый язык» как средство воскрешения субъективности «другого» в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» // Новое прошлое, № 4, 2016. С. 106. URL: <https://clck.ru/3AYms2> (дата обращения: 03.05.2024).

<p>Декабрьским утром 1455 года Христофор, вопреки обыкновению, не покинул постели. Он приподнялся и сел на ней, но двигаться дальше сил у него не было. Пришедшим к нему по некой надобности Христофор сказал: <i>Не глагольте ми мирская, яко боле не имам части с живыми. Расслабишася ми уды, и не возвещает се ничтоже, разве скорыя смерти и Суда Страшного Спасова будущаго века.</i> (57)</p>	<p>Într-o dimineață de decembrie a anului 1455, Hristofor, în ciuda obiceiului, nu părăsi patul. Se ridică puțin și se așează în capul oaselor, dar să se ducă de-acolo nu avu putere. Celor veniți la el pentru tot felul de nevoi, Hristofor le spunea: <i>Nu-mi vorbiți de cele lumești, că nu mai sunt în partea celor vii. M-au lăsat membrele, și asta nu vestește decât moarte fără zăbavă și Judecata de Apoi a Mântuitorului veacului viitor.</i> (45)</p>
--	---

Текст одной из молитв также приводится на современном румынском литературном языке:

<p><i>В руце Твои предаю дух мой, Ты же мя помилуй и живот вечный даруй ми. Аминь.</i> (59)</p>	<p><i>În mâna Ta îmi pun sufletul, ai milă de mine și dăruiește-mi viață veșnică. Amin.</i> (47)</p>
---	--

Сцена переодевания Устины также лишается архаичного колорита. Для его сохранения молдавская исследовательница И. Друцэ предлагает отказаться от нейтрального глагола а руне ‘надевать’ в пользу синонимичных, но приближенных к оригиналу по стилистической окраске а се înveșmânta или а învește¹²²:

<p><i>Во что ми облецися</i>, спросила из-за двери Устина. (69)</p>	<p><i>Ce să pun pe mine</i>, a întrebat din spatele ușii Ustina. (53)</p>
---	---

Следующий эпизод также является иллюстрацией полного опущения стилизации и её замены на современный язык:

<p><i>Яко в чуждем телеси пребываю</i>, подумал Арсений. (169)</p>	<p><i>Parcă sunt în trup străin</i>, se gândi Arseni. (126)</p>
--	---

В большинстве случаев историческая стилизация в тексте перевода передается частично, когда лишь отдельные элементы в тексте перевода обладают архаичным оттенком, воссоздавая колорит оригинала, в то время как лексические единицы контекста нейтральны по стилю. В примерах ниже

¹²² *Druță I.* Dificultăți de traducere în limba română a romanului Laur de Evgheni Vodolazkin. P. 243. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/238-245_6.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

полужирным курсом выделены фрагменты с исторической стилизацией в оригинале и в переводе, курсивом в примере справа – то, что также могло быть стилизовано при переводе, но фактически представляет собой современный литературный румынский язык:

<p><i>Токмо не гордитесь паче меры</i>, предупреждал их Христофор. <i>Гордыня бо есть корень всем грехом.</i> (18)</p>	<p><i>Doară să nu întreceți măsura fudulinduvă, îi prevenea Hristofor. Că mândria e rădăcina tuturor păcatelor.</i> (17)</p>
--	--

Кроме того, при анализе языкового материала мы выявили проблему переводческой непоследовательности, когда одни и те же элементы мёртвого языка передаются переводчиком по-разному (такие как «рече», «зде», «аз есмь»¹²³). Имеется также ряд фактических ошибок, связанных с пониманием переводчиком текста оригинала, которые достаточно подробно рассматриваются в статье И. Друцэ¹²⁴. Приведём несколько примеров подобных ошибок, которые мы обнаружили в тексте перевода и которые не анализируются в вышеупомянутой работе молдавской исследовательницы. Так, в эпизоде трагичной кончины родителей Арсения от чумы описывается внешний вид умирающей матери главного героя. Её отёкшее, болезненное лицо сравнивается с желе. Это художественное средство, вероятно, не было корректно воспринято переводчиком в связи с внешним сходством слов «желе» и «железо» в неродном для неё языке. На наш взгляд, корректный вариант перевода – *ca de jeleu*:

<p>Он целовал её <i>желеобразное</i> лицо, но она словно спала и не могла открыть глаз. (28)</p>	<p>A sărutat-o pe fața <i>ca de tablă</i>, dar ea parcă dormea și n-a putut deschide ochii. (24) ‘Он целовал её как будто <i>железное</i> лицо, но она словно спала и не могла открыть глаз’.</p>
--	---

При переводе другой сцены, когда Устина сообщила Арсению о своей беременности, переводчик не только не передал историческую стилизацию отрывка, заменив мёртвый язык на современный, но и допустил фактическую

¹²³ См. подраздел 2.2.1.

¹²⁴ *Druță I. Dificultăți de traducere în limba română a romanului Laur de Evgheni Vodolazkin. P. 245. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/238-245_6.pdf (дата обращения: 01.05.2024).*

ошибку в его интерпретации, заменив сообщение о беременности на информацию о мучительных болях в животе:

Я понесла во чреве моем, ибо у меня прекратилось обычное женское. (78)		Am o suferință în pântec, că s-a oprit ce-i de obicei la femeie. (60) букв. ‘У меня мучение в животе, ибо остановилось то, что есть обычно у женщин’.
--	--	---

Для передачи стилистической окраски исходного текста и необходимой информации мы бы предложили использовать лексему «a împovăra», являющуюся устаревшей в значении ‘забеременеть’.

Кроме того, в одном из эпизодов романа, в котором речь идёт о захоронении умерших без покаяния, как мы можем предположить, переводчиком не было опознано обращение «нехристи», сказанное старцем по отношению к деревенским жителям, желавшим вырыть заложных¹²⁵ покойников – лексема, видимо, была воспринята как дополнение в данном контексте, что исказило содержание текста перевода:

Выроете ведь, <i>нехристи</i> , спросил он у стоявших, и те потупились. Как пить дать выроют. (111)		Că-i scoateți pe necurați, nu? ‘Выроете ведь нечистых, не так ли?’ i-a întrebat pe cei ce stăteau, și aceia și-au lăsat ochii în pământ. Îi scot fără să stea pe gânduri. (83)
---	--	--

Безусловно, наряду с перечисленными недочётами, мы встретили немало крайне успешных, на наш взгляд, переводческих решений, позволивших частично сохранить исходный колорит и контраст между различными языковыми и стилистическими пластами. Мы поделили их на группы и систематизировали, поскольку, на наш взгляд, многие из этих приемов потенциально могут быть заимствованы при переводе других текстов похожей направленности на румынский язык.

¹²⁵ Об этой реалии см. с. 49.

2.2.1. Лексические способы передачи приёмов стилизации

Лексические приёмы, к которым прибегает переводчик для передачи стилизации, мы разделили на две категории. В первую мы включили отклоняющиеся от нормы – разговорные, просторечные, устаревшие, региональные – формы первоначально нейтральных по стилю лексем румынского языка. Во вторую категорию были отнесены те лексические единицы, которые сами по себе обладают определенной стилистической окраской (несут оттенок архаичности или являются просторечиями, грубыми, разговорными словами, регионализмами и т.д.).

I. Отклоняющиеся от нормы варианты нейтральных по стилю лексем

Часть речи, ненормативные формы которой используются при передаче приёмов стилизации наиболее часто, – это местоимение. Довольно широким спектром форм в румынском языке обладают, в частности, указательные местоимения, чем активно пользуется переводчик. В тексте перевода мы, например, встретили региональную форму местоимения *acesta* ‘это’, используемую, по данным словарей, в Молдове и Трансильвании:

Что убо о *сем* речеши... (17) | Ce zici de *aista*... (17)

Были обнаружены также устаревшие формы того же местоимения с аферезой начальной гласной:

...пришло ему время изыти из жизни *сея*. (55) | ... i-a sosit vremea să se ducă din viața *ceasta*. (44)

Кроме того, использовались и разговорно-просторечные формы с синкопой слога *sea/се*, которые весьма частотны и в современной устной речи носителей румынского:

Се аз отхожу света *сего*, Арсение. (58) | Că eu plec din lumea *asta*, Arseni. (46)

...грех *сей* на ти будет. (190) | ...al tău are să fie *ăst* păcat. (143)

В сочетании с просторечными формами местоимений может использоваться и разговорная форма притяжательного местоимения *nostru* ‘*наш*’ с апокопой конечного слога:

... <i>сей</i> брат <i>наш</i> кущи своя на небесех водрузи. (191)	... <i>ăst</i> frate al <i>nost'</i> în cer și-o face sălaş. (143)
---	--

В одном стилизованном отрывке зачастую встречаются сразу несколько подобных ненормативных форм различных частей речи. Например, в примере ниже мы находим отклоняющиеся от нормы формы наречия *doar* ‘*только*’, причастия *citit* ‘*прочитанный*’, глагола *a fi* ‘*быть*’ в форме мн. ч. 3-го лица *sunt*, местоимения *acest* ‘*этот*’ с вышеупомянутой аферезой, устаревший вариант союза *dar* ‘*но*’:

Мню, яко <i>единому</i> Богу се ведомо есть, уклончиво отвечал Амброджо. В <i>чтомых</i> мною книгах многажды о <i>сем</i> речено, <i>обаче</i> несть в них численного согласия. (243)	Mi-s îndoit, căci <i>doară</i> Dumnezeu are știință de ea, răspundea evaziv Ambrogio. În cărțile <i>cețite</i> de mine <i>îs</i> multe spuse despre <i>cest</i> lucru, <i>dară</i> nu se află în ele consens asupra datei. (181)
--	---

Помимо словоформы *doară*, являющейся устаревшей и разговорной формой наречия *doar*, в тексте встречаются и другие наречия в нестандартном варианте: разговорные варианты наречия *acum* ‘*сейчас*’ – *acuma* (237) и *aciu*’ (143), причём эти формы в словарях не отмечаются как устаревшие или просторечные, они несут лишь разговорный оттенок. Похожая ситуация обстоит с вариантом наречия *apoi* ‘*потом*’ – *арăи* (134, 149), который отмечается в словарях как просторечный, вместе с тем, вероятно, является непривычным для читателя, что позволяет переводчику передать эффект исторической стилизации. В частности, именно эта форма, вместе с отклоняющейся от нормы формой глагола *a prinde* ‘*ловить*’ (в стандартном литературном румынском должно быть *prind* в 1-м лице ед.ч.), а также устаревшей формой наречия *aici* ‘*здесь*’ – *aci* позволяют сохранить контраст и резкий переход между двумя «языковыми стихиями» в речи юродивого Фомы (безусловно, здесь также присутствуют грамматические приёмы, которые будут рассмотрены в подразделе 2.2.2):

Грози, говнюк, грози, прокричал юродивый Фома без злобы. <i>Аще</i> же ты <i>зде</i> единожды <i>обрящу</i> , сокрушу без милости твои члены. Яко исчезает дым, исчезнеши. (179)	Amenință, împutitule, amenință, strigă fără răutate nebunul întru Hristos Foma. <i>Apăi</i> de te mai <i>prinț</i> o dată <i>aci</i> , îți scurtez fără milă membrele. Ia să vezi, cum piere fumu' o să pieri. (134)
--	--

Сохранённый в этом отрывке переводчиком контраст играет концептуально важную роль в романе, по мнению Н.С. Шуриновой: «Юродство в романе также маркируется особенной стихией, помещающей читателя в межкультурное пространство. Разнообразие стилей задает одновременно максимально широкий диапазон времен и мировосприятий, сфер и способов употребления языка. <...> В их полистилистичной двуязычной речи современный сниженный контекст может подняться до житийного. <...> Появившийся на другом берегу реки юродивый Карп грозит Фоме кулаком, на что тот отвечает русскими инвективными словами, неожиданно продолжая архаическими угрозами»¹²⁶.

Вместе с тем отметим, что при передаче элемента мёртвого языка «зде» переводчик не всегда последователен. В ряде эпизодов это наречие переводится соответствующим архаизированным элементом *aci*, как в примере выше, однако в одном из случаев заменяется на современный литературный румынский вариант *aici* ‘здесь’. Это можно проиллюстрировать сопоставлением следующих отрывков:

...чтобы им, претерпевшим муку <i>зде</i> , уменьшилась бы мука тамо. (46)	...ca, întrucât își înduraseră supliciul <i>aici</i> , să le fie micșorate chinurile acolo. (37)
<i>Зде</i> помяну стражника Власия... (361)	Pomenesc <i>aci</i> straja Vlas... (267)

Говоря о глаголах, мы встретили следующие отклоняющиеся от нормы формы: *văz* (86) вместо стандартной формы *văd* (1-го лица ед. ч. глагола *a vedea* ‘видеть’), *crez* (133) вместо литературной формы *cred* (1-го лица ед. ч. глагола *a crede* ‘верить’), упомянутая форма *prinț* (70) вместо *prind* (1-го лица ед. ч.

¹²⁶ Шуринова Н.С. «Мертвый язык» как средство воскрешения субъективности «другого» в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» // Новое прошлое, № 4, 2016. С. 108. URL: <https://clck.ru/3AYms2> (дата обращения: 03.05.2024).

глагола а *prinde* ‘ловить’) – все они позволяют передать мёртвый язык оригинала. Встречается также ненормативная разговорная форма *trebe* (39) (литературная: *trebuie* ‘требуется’), используемая для передачи «осовремененной» речи разбойника Жилы, содержащей вполне актуальные по сей день жаргонизмы и просторечия.

Отдельно отметим глагол а *vrea* ‘хотеть’. В тексте перевода присутствует несколько его вариантов. Во-первых, используются отдельные ненормативные формы его литературного варианта: *vrai* (133) вместо *vrei* (2-го лица ед. ч. глагола а *vrea* ‘хотеть’), *vreu* (274) вместо *vreau* (1-го лица ед. ч. глагола а *vrea* ‘хотеть’). Во-вторых, употребляются варианты этого глагола *a vroii* и *a voi*, которые в современном языке используются для образования формы Имперфекта, однако почти не встречаются в настоящем времени. Для передачи исторической стилизации переводчик использует их именно в этой форме:

Чего ты <i>хочешь</i> , жено? Жити <i>хошу</i> , Врачу. (34)	Ce <i>vroiești</i> , femeie? Să trăiesc <i>vroiesc</i> , Vraciule. (28)
... <i>хоцю</i> покаяться... (265)	...io <i>voiesc</i> a mă căi... (197)

Особой яркостью, на наш взгляд, обладают формы глагола а *fi* ‘быть’, которые вместо стандартной литературной формы 1-го лица ед. ч. *sunt* обретают в переводе просторечную, устаревшую *îs* в сочетании с просторечной формой *io* местоимения *eu* ‘я’, а вместо современной литературной формы 2-го лица ед. ч. *ești* – форму *iaști*, что позволяет сохранить при переводе исходный исторический колорит фраз «Аз есмь» и «Еси ли», однако и здесь переводчик вновь непоследователен, поскольку зачастую эти же словосочетания заменяются современными литературными “Eu sunt” букв. ‘Я есть’ и “Tu ești” букв. ‘Ты есть’. Такая непоследовательность, на наш взгляд, не оправданна и лишь ухудшает качество перевода. Архаизацию стоило сохранить во всех подобных случаях:

<i>Аз есмь</i> Сильвестр, сказал мальчик. (136)	<i>Io îs</i> Silvestru, a spus băiatul. (103)
Ты ли еси Арсений, спросила баба. <i>Аз есмь</i> , ответил Арсений. (126)	Tu ești Arseni? <i>Eu sunt</i> , a răspuns Arseni. (96)
<i>Еси</i> ли смертный мой ангел? Несмь, отрицал Арсений. (122)	<i>Iaști</i> îngerul morții mele? Nu sunt, a negat Arseni. (93)
Жилу трясет. Он смотрит в темное небо. Ангел ли <i>есу</i> ? (219)	Jila începe să tremure. Se uită la cerul întunecat. Înger <i>ești</i> tu? (163)

Встречаются в тексте перевода также и устаревшие формы имён существительных: *prietinie* (34) вместо современной формы prietenie ‘дружба’, *prietini* (267, 285) вместо prieteni ‘друзья’; greșală (в тексте фигурирует в форме мн. ч. *greșale* (94)) вместо современного литературного варианта greșeală (во мн. ч. greșeli) ‘ошибка’, в контексте романа – ‘прегрешение, грех’:

...хощю покаяться во <i>гресех</i> своих и предатися властем предержащим. (265)	...voiesc a mă căi de <i>greșalele</i> mele și a mă preda deținătorilor puterii. (197)
---	--

Стилизация передаётся переводчиком и при помощи особых форм служебных частей речи. Так, союз *dar* ‘но’ в переводе встречается как в устаревшей форме *dară* (103, 181), упомянутой выше, передавая историческую стилизацию, так и в разговорной *da*’ с апокопой конечного согласного звука, в которой он используется как для передачи архаизированной речи (пример 1), так и современной разговорной речи, звучащей из уст разбойника (пример 2) и юродивого Фомы (пример 3):

1) Чти <i>же</i> в голос, да и аз послушаю. (55)	<i>Da</i> ’ citește tare, să aud și io. (44)
2) <i>А</i> еще, земляк, нам деньги требуются. Поищи, что ли. (48)	<i>Da</i> ’ ne mai trebe și bani, zemliakule. Ia vezi de caută. (39)
3) <i>Да</i> не парься ты, ё-моё. (199)	<i>Da</i> ’ las’ că nu-i bai. (149)

Отметим, что схожий процесс апокопы конечного согласного проявляется в форме постпозитивного определённого артикля муж. рода ед. ч. *-и*’ вместо стандартного *-ул*. Наблюдается это явление при передаче архаизированного языка, его появление в тексте перевода не регулярно. Отметим, что оно имеет достаточно широкое распространение в современной

румынской устной речи, поэтому едва ли способствует исторической стилизации:

Яко исчезает <i>дым</i> , исчезнеши. (179)		...cum piere <i>fumu'</i> o să pieri. (134) (Стандартный вариант – <i>fumul</i>)
--	--	--

Для передачи исторической стилизации используется также составной предлог *fără de* (25, 147), на данный момент вышедший из употребления и отмеченный словарями как устаревший. В современном литературном языке используется синонимичный предлог, состоящий из одного слова, *fără* ‘без’:

Благословен буди, странниче и <i>без</i> домниче...(196)		Blagoslovit să fii, pelerin <i>fără de</i> casă... (147)
---	--	--

II. Стилистически окрашенные лексемы

В тексте перевода также в большом количестве встречаются лексемы, которые сами по себе выполняют роль приёмов стилизации, поскольку обладают определённой стилистической окраской. Они используются для передачи как архаизации, так и осовременивания художественной речи.

Говоря о языковых единицах, обладающих **архаичным** оттенком, отметим, что зачастую это лексемы славянского происхождения, вышедшие из широкого употребления и заменённые аналогами другого происхождения, чаще всего латинского. В процессе релатинизации в румынском образовалось достаточно много подобных пар синонимов различного происхождения. В рамках перевода рассматриваемого романа выбор переводчиком вариантов, восходящих к славянским этимонам, способствует передаче исторической стилизации, поскольку звучат они зачастую не так привычно для читателя, как их латинские аналоги. Примером тому могут послужить лексемы *văzduh* (стилистически нейтральный синоним, более употребительный в современном румынском – аег ‘воздух’), *a izbăvi* (стилистически нейтральный синоним – а scăpa ‘избавить’), *a blagoslovi* (=a binecuvânta ‘благословить’), *corabie* (=navă ‘корабль’), *a nădăjdui* (=a spera ‘надеяться’), *odraslă* (=copil ‘ребёнок’),

potop (=inundație ‘*потоп*’) и др. Отметим, что в некоторых случаях они являются прямыми языковыми и стилистическими эквивалентами для переводимых лексем в оригинале (примеры 3, 5, 6), а периодически лишь передают общий архаический тон переводимого эпизода (примеры 1, 2, 4):

1) ...харадр взял язву болящего и развеял ее в <i>воздухе</i> . (31)	...ea a luat boala celui bolnav și a spulberat-o în <i>văzduh</i> . (26)
2) Он просил Господа, чтобы Устина была <i>избавлена</i> от сети ловчи и от словесе мятежна... (101)	Îi rugă pe Dumnezeu ca Ustina să fie <i>izbăvită</i> de carcană și de vorba zbcuciumată... (76)
3) <i>Благословен</i> буди, странниче и бездомниче...(196)	<i>Blagoslovit</i> să fii, pelerin fără de casă... (147)
4) Бежите с <i>корабля</i> сего... (265)	Fugiți de pe astă <i>corabie</i> ... (197)
5) Мы же <i>уповаем</i> на милость Господню и твой, Арсение, великий дар. (358)	<i>Nădăjduim</i> în mila Domnului și în marele tău har, Arsenie. (265)
6) За Гавриилом идет новгородский боярин Фрол с женой Агафьей и со <i>чады</i> . (440)	După Gavril merge boierul novgorodean Frol cu soața Agafia și cu <i>odraslele</i> lor. (324)

Тем не менее не всегда стилистическая окраска лексемы связана с её происхождением. Например, архаизм «возница» в тексте перевода находит свой эквивалент турецкого происхождения со схожей стилистической окраской:

Им (<i>возница</i> строго посмотрел на Арсения) достаточно было мора в Белозерске. (131)	Aveau ei (<i>surugiul</i> se uită cu asprime la Arseni) destulă molimă la Belozersk. (99)
---	--

В некоторых случаях стилистический эквивалент имеет латинские корни. Румынская лексема *urbe*, по данным разных словарей идентифицируемая как слово книжного стиля либо просторечие, используется вместо привычной для современных румын, нейтральной лексемы венгерского происхождения oraș ‘*город*’, что, на наш взгляд, передает стилистическую разницу между русскими словами «город» и более редким «град»:

Я любил вас паче жизни моей и чужой, ибо умел вас взлелеять как никто другой в целом <i>граде Пскове</i> . (244)	V-am iubit mai mult decât viața, a mea și a altora, căci am știut să vă fac ca nimeni altul din toată <i>urbea Pskovului</i> . (182)
--	--

Возвращаясь к проблеме непоследовательности, отметим, что по-разному, например, переводятся архаизированные глаголы речевой деятельности (и их производные формы, в частности, причастий): архаичный глагол церковнославянского происхождения «рещи» и устаревший глагол русского языка «глаголать» то находят стилистические эквиваленты в румынском языке (примеры 1, 3), то заменяются их стилистически нейтральными синонимами, в данном случае нейтральным глаголом речевой деятельности а *spune* ‘сказать’ (примеры 2, 4), вследствие чего утрачивается эффект архаизации:

1) Уразумех <i>реченное</i> тобою... (265)	Înțelesei cele <i>grăite</i> de tine... (197)
2) Се сбыться <i>реченное</i> Фоною. (358)	Se adeveriră <i>spusele</i> lui Foma. (265)
3) Василий Великий <i>глаголет</i> , яко Адам бысть в Раи сорок дней. (41)	Vasile cel Mare <i>glăsuiește</i> că Adam fuse în rai patruzeci de zile. (34)
4) <i>Глаголи</i> Аврааму, яко пришло ему время изыти из жизни сея. (55)	<i>Spune</i> -i lui Avraam că i-a sosit vremea să se ducă din viața ceasta. (44)

Что касается приёмов стилизации, направленных, напротив, на **осовременивание** речи жителей средневековой Руси, то они переданы в большинстве случаев, на наш взгляд, успешно при помощи лексических средств румынского языка. Как и русский, румынский язык обладает достаточно богатым запасом лексических единиц различной стилистической окраски, в том числе лексем официально-делового стиля, чем и воспользовался переводчик. Так, например, в переводе сохранён ряд **анахронизмов**, когда в речь древнерусского старца автором целенаправленно встраивается **канцелярит**, что сближает образы настоятеля средневекового монастыря и современных представителей власти, а также в очередной раз подтверждает тезис о вневременном характере повествования в рассматриваемом романе. Румынский глагол *a furniza* ‘снабжать’ обладает схожей стилистической окраской русского глагола «предоставлять», и его появление в монологе средневекового старца так же неожиданно, как и словосочетание «предоставить информацию» в контексте «спасения душ преставльшихся» в оригинале:

<p>Что же до воскресения и спасения душ преставльшихся раб Божиих, то эту информацию я <i>предоставлю</i> тебе, что называется, тет-а-тет. (111)</p>	<p>Ce le pasă de învierea și mântuirea sufletelor robilor lui Dumnezeu, informația asta ți-o <i>furnizez</i>, cum se spune, între patru ochi. (83)</p>
--	--

Кроме того, наречие «тет-а-тет» находит, на наш взгляд, крайне удачный эквивалент в румынском устойчивом выражении «între patru ochi».

Аналогичным образом, успешно, переводчик считывает и сохраняет и другие *анахронизмы* в речи старца, сближая его с современными работниками государственных учреждений:

<p>Такие вопросы, объявил старец, прошу <i>решать по месту жительства</i>. (383)</p>	<p>Problemele de genul ăsta, a anunțat starețul, rog să fie <i>rezolvate la locul de domiciliu</i>. (283)</p>
--	---

Ещё одна аллюзия к современной социально-политической жизни, качественно переданная в переводе, встречается, наоборот, в речи жителей, обращающихся к настоятелю монастыря с вечно актуальным экзистенциальным вопросом:

<p>Так когда же, спрашивается, конец света, закричала толпа. Нам это важно, простите за прямоту, <i>и в отношении планирования работы, и в смысле спасения души. Мы многократно обращались в монастырь за уточнениями, но однозначного ответа не получали</i>. (373)</p>	<p>Dar atunci se pune întrebarea când e sfârșitul lumii, strigă mulțimea. Pentru noi, iertată să ne fie franchețea, <i>este important atât sub raportul planificării muncii, cât și în sensul mântuirii sufletelor. Ne-am adresat nu o dată mânăstirii pentru precizări, dar nu am primit un răspuns univoc</i>. (276)</p>
--	--

В речи юродивых такой официально-деловой стиль порой смешивается с разговорной речью, просторечиями, бранной лексикой, а также игрой слов. В приведённом ниже эпизоде контраст между различными стилистическими регистрами и их резкая смена были успешно сохранены в тексте перевода: *игра слов* (выделенный жирным курсивом элемент под номером 1) была передана при помощи транслитерации и сноски внизу страницы; *просторечия и ругательства* получили в переводе свои, схожие по эмоциональной нагрузке и экспрессивности, эквиваленты (выделенные полужирным курсивом элементы под номерами 2 и 4); фрагмент, написанный в

официально-деловом стиле с использованием *канцеляризов*, также был сохранён в переводе (номер 3):

Отныне имя ти (1) *не калачник, но кулачник*, крикнул Прохору Фома. Вас же, (2) *засранцев* (он обвел стоявших глазами), (3) *ознакомлю со следующими фактами*. Минувшей ночью (4) *сей фрукт* совокуплялся с женой. Потом, не омывшись, месил тесто и лепил свои калачи. (190)

De-acu n-o să ți se mai zică (1) *calacinic, ci culacinic**, strigă Foma la Prohor. Iar vouă, (2) *căcăcioșilor* (îi cuprinse cu privirea pe cei prezenți) vă (3) *aduc la cunoștință următoarele fapte*. Noaptea trecută, (4) *acest ins* (букв. ‘этом мун’) s-a împreunat cu nevastă-sa. Pe urmă, fără să se spele, a frământat aluatul și și-a făcut colacii. (142)

Текст сноски: *De la *kulak* – pumn. ‘Образовано от *kulak* – кулак’

В целом отметим, что подавляющее большинство лексем и словосочетаний сниженной стилистической окраски, цензурных ругательств, просторечий было передано при переводе успешно: падаль (158) – *hoit ce ești* (118) букв. ‘падаль, какой ты являешься’; гнида (158) – прямым эквивалентом *păduche* (118); кореш (158) – регионализмом *ortac* (118) ‘товарищ’; у черта в жопе (192) – буквальным переводом, *ca la dracu-n cur* (144); сволочам (194) – *ticăloșilor* (145) букв. ‘гадкие’; сукин кот (198) – *porcul de câine* (149) ‘сукин хряк’ и т. д.

Вместе с тем нецензурная брань была сильно смягчена, эвфемизирована. Так, при переводе междометия «бля» переводчик прибегает к междометию-регионализму *pfui*, описывающему презрение, отвращение говорящего и «предполагающему действие по глаголу “плевать”»¹²⁷:

Нога... Доездила, <i>бля</i> . (157)	Piciorul... De mult ce-am mers, <i>pfui</i> . (118)
Я ж, <i>бля</i> , не только тебя – я общие деньги с собой увез... (158)	Сă, <i>pfui</i> , nu doar pe tine te-am luat, am luat cu mine și banii lui și-ai mei... (118)

Безусловно, избранное переводчиком междометие не является эквивалентом русскому нецензурному слову. Текст перевода лишается экспрессии, естественности речи и предполагаемой автором эмоциональной

¹²⁷ URL: <https://www.dex.ro/pfui> (дата обращения: 10.05.2024).

нагрузки. И. Друцэ в своей статье предлагает иные способы передачи этого ругательства¹²⁸.

Другое нецензурное выражение, обценное устойчивое выражение «хуй в пальто», по данным Большого словаря мата, «употребляемое для выражения нежелания отвечать на вопрос “Кто?” <Никто>»¹²⁹, также не находит равноценного по экспрессивности эквивалента в румынском переводе и заменяется более мягким, вполне цензурным выражением, которое также выражает нежелание собеседника отвечать на вопрос «Ты кто?», вместе с тем позволяя переводчику сохранить рифму, имевшуюся в оригинале:

Кто сей знающий тайны мои? Арсений повернулся к Фоме: Ты кто? <i>Хуй в пальто</i> , ответил Фома. Ты спрашиваешь о второстепенных вещах. А я скажу тебе о главном. (179)	Cine e acesta care știe tainele mele? Arseni se întoarce către Foma: Cine ești? <i>Ei, povești</i> , (букв. ‘Эй, сказки’) răspunse Foma. Întrebi de lucruri secundare. Iar eu îți spun ce e principal. (134)
---	---

Безусловно, такой вариант перевода в целом выполняет основные задачи, стоящие перед переводчиком при передаче подобного выражения, сохраняя его смысл и даже рифму, однако лишает текст грубости и эмоциональности, присутствовавших в оригинальном тексте.

¹²⁸ *Druță I.* Dificultăți de traducere în limba română a romanului Laur de Evgheni Vodolazkin. P. 244. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/238-245_6.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

¹²⁹ *Плуцер-Сарно А.* Большой словарь мата. Т. 1. СПб.: Лимбус Пресс, 2005. URL: <http://plutser.ru/mat/Нуж/> (дата обращения: 06.05.2024).

2.2.2. Грамматические способы передачи приёмов стилизации

Помимо лексических стратегий, переводчик также обращается к переводческим трансформациям на уровне грамматики, передавая историческую стилизацию оригинала. Мы систематизировали переводческие приёмы, связанные с грамматическим строем румынского языка, и разделили их на две категории, исходя из существующих подразделов грамматики – морфологии и синтаксиса.

I. Передача стилизации в переводе на морфологическом уровне

Румынский язык располагает рядом средств, которые позволяют передать историческую стилизацию на морфологическом уровне. Мы выделили четыре подобных приёма.

1) Использование времён *Perfectul simplu* и *Mai mult sa perfectul* (Простой перфект и Давнопрошедшее время)

Отметим, что в современном румынском языке эти времена используются достаточно редко. Простой перфект синонимичен по грамматическому значению сложному перфекту и, как известно, практически полностью вытеснен им, а используется по сей день преимущественно в художественной литературе и в устной речи жителей отдельных регионов Румынии (в частности, в Олтении). Давнопрошедшее время также употребляется нечасто, встретить его можно чаще всего в письменной речи. Оно используется для передачи «факта предшествования» или «для передачи одного из следующих друг за другом (в прошлом) действий с целью привлечения к нему внимания читателя (слушателя)»¹³⁰, а в устной речи также может заменяться сложным перфектом: «В разговорной речи, правда, предшествование нередко передается и сложным перфектом»¹³¹. Безусловно, в разговорном языке эти времена будут звучать неестественно для

¹³⁰ Заюнчковский Ю.П., Николеску Т., Репина Т.А. Румынский язык: Учебник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 321.

¹³¹ Там же. С. 322.

большинства современных носителей румынского, чем и пользуется переводчик, передавая в переводе при помощи этих времен историческую стилизацию, мёртвый язык в художественной речи героев «Лавра»:

<i>Совлечеса</i> одеяний тленных и <i>облечеса</i> в ризу бесстрастия, говорила в такие дни настоятельница...(185)	<i>Scoase</i> veșmintele pieritorilor și <i>puse</i> straiul seninătății, spunea în astfel de zile stareța...(139) (Простой перфект)
Се <i>сбытсья</i> реченное Фомою... (358)	Se <i>adeveriră</i> spusele lui Foma. (265) (Давнопрошедшее время)
Паки же ин брат, много <i>боле</i> в, <i>умре</i> . (386)	Dară cel frate, după ce mult <i>boli</i> , <i>muri</i> . (285) (Простой перфект)

Кроме того, эти времена используются при переводе письменной речи из записок Христофора (пример 1) и при передаче билингвизированной речи самого нарратора, от чьего лица ведётся повествование (пример 2). Во втором примере ярок контраст между выражениями в нейтральном стиле «вернулись обратно и узнали», которые передаются при помощи привычного для современных румын Сложного перфекта, и архаизированным фрагментом «по испытании умре», что отражается в переводе с помощью выбора другого времени – Давнопрошедшего:

1) Давыд <i>рече</i> : смерть грешников люта. Соломон <i>рече</i> : да похвалит тя ближний твой, а не уста твоя. (164)	David <i>zise</i> : moartea păcătoșilor e cumplită. Solomon <i>zise</i> : să te laude aproapele tău, iar nu gura ta. (122)
2) А <i>вернулись обратно и узнали</i> , что прежде схваченный <i>по испытанию умре</i> . (46)	Iar când <i>au venit înapoi</i> , <i>au aflat</i> că cel prins înainte <i>murise</i> când <i>îl încercaseră</i> . (37)

2) Использование разговорных форм будущего времени

При образовании форм будущего времени для передачи стилизации автор прибегает к разговорному варианту времени Viitorul Întâi (Будущее I) – «o/or и т. д. + инфинитив» вместо стандартного варианта «va/voг и т.д. + инфинитив». В примере 1 это время используется при передаче осовременивания, а в примере 2 – архаизации:

И как это женщины таких к себе <i>подпускают</i> ? (17)	Și cum i- <i>or lăsa</i> femeile la ele pe așa unii? (17)
...брат наш куци своя на небесех <i>водрузи</i> . (191)	...frate al nost' în cer și- <i>o face</i> sălaş. (143)

Кроме того, для передачи архаизации активно используется будущее время, образованное при помощи конъюнктива со вспомогательным глаголом *a avea*, или *Viitorul vorbit* (Разговорное будущее). В его более употребительном для современного румынского языка варианте вместо вспомогательного глагола *a avea* используется неизменяемый элемент *o*:

Видех на человеке сем, сказал Китоврас, яко <i>не будет</i> до седми дний <i>жив</i> . (25)	Că îl văzui pe omul acel, a spus Kitovras, că <i>nu are să apuce</i> șapte zile. (22)
<i>Имаши</i> скоро <i>умрети</i> , тихо сказал Арсений, но Егор его уже не слышал. (122)	<i>Ai să mori</i> curând, a spus încet Arseni, dar Egor deja nu mai auzea. (93)

В одном из эпизодов встречаются оба разговорных будущих времени, и, сочетаясь друг с другом и, видимо, воспринимаясь современным читателем как что-то несколько непривычное, передают эффект исторической стилизации:

Аще человек Божий <i>умрет</i> , грех сей на ти <i>будет</i> . (190)	De- <i>o muri</i> omul lui Dumnezeu, al tău <i>are să fie</i> ăst păcat. (143)
---	---

3) Постпозиция вспомогательных глаголов при образовании сложных времён

Ещё одна стратегия передачи исторической стилизации, реализуемая переводчиком на морфологическом уровне, – постановка в постпозицию вспомогательных глаголов во временах *Viitorul întâi* (Будущее I) и *Perfectul compus* (Сложный перфект). Особенность этого приёма заключается в том, что аналитические глагольные формы фактически трансформируются в синтетические. В тексте перевода романа мы встречаем такие формы Будущего I, как *pleca-va* (стандартный вариант: *va pleca*), *face-voi* (стандартный вариант: *voi face*), *înnoi-se-va* (стандартный вариант: *se va înnoi*):

...скажи брату, чтобы подождал до завтра, пока я выкопаю ему могилу, и тогда отойдет от жизни на покой. (386)	...spune fratelui să aștepte până mâine, până îi sap mormântul, și atunci pleca-va din viață în pace. (285)
... сотворю по словеси твоему. (265)	... face-voi după cum mi-ai spus. (197)
...внутренний человек в нем обновися . (191)	...omul interior înnoi-se-va într-însul. (143)

Такой приём кажется нам крайне успешным, поскольку подобные формы являются для румынского устаревшими и встречаются в том числе в старинных румынских текстах XVI века, что подтверждается данными монографии румынского филолога А. Росетти «История румынского языка»: в текстах XVI века «вспомогательный глагол обычно ставится в постпозицию по отношению к (смысловому) глаголу: *veri-voîu, ave-vrem, cânta-vrem, asteptă-vrem*»¹³². Подобный приём, сближающий морфологически современный румынский язык с румынским XVI века, позволяет переводчику воссоздать исторический колорит мёртвого языка, имевшийся в исходном тексте.

Аналогичный приём реализуется в некоторых формах Сложного перфекта: ***auzit-am*** (стандартный вариант: *am auzit*), ***ștersu-i-am*** (стандартный вариант: *i-am șters*), что также способствует исторической стилизации перевода и соответствует тенденциям старорумынского языка, отмеченным А. Росетти (например, учёный отмечает форму «*fapt-au*»¹³³, зафиксированную в текстах XVI века):

Слышах , яко ты еси врач хытр, сказал князь. (132)	<i>Auzit-am</i> că ești vraci iscusit, a spus sneazul. (100)
...отче Марко, я уже и губкой отер его тело, которое мертво. (386)	...părinte Marco, io ștersu-i-am deja cu burete trupul care e mort. (285)

¹³² Rosetti A. Istoria Limbii Romane I. București: Editura științifică și enciclopedică, 1986. P. 506. URL: <https://kurl.ru/kUIJs> (дата обращения: 01.05.2024).

¹³³ Ibid. P. 505.

4) Использование форм звательного падежа

Звательный падеж как элемент мёртвого языка в рассматриваемом романе имеет аналог в румынском языке – также звательный падеж, или вокатив (*vocativ*). Однако его статус на протяжении многих лет является дискуссионным вопросом, причём точки зрения сосуществуют совершенно противоположные. Так, с точки зрения одних исследователей, вокатив – это «полноправный член парадигмы склоняемых форм, ...один из румынских падежей»¹³⁴; с другой точки зрения, вокатив «не входит в систему склонения»¹³⁵ и не является падежом.

Ещё одна сложность заключается в параллельном существовании в румынском языке нескольких способов выражения этой грамматической категории. Во-первых, академическая грамматика выделяет в качестве «самой распространённой формы вокатива»¹³⁶ форму, которая является «омонимичной формам И. п. и В. п. для всех родов и чисел»¹³⁷. Зачастую эта форма также приобретает определённый постпозитивный артикль. Во-вторых, существует парадигма особых окончаний вокатива (окончания -е, -ule для м.р. ед.ч.; -о для ж.р. ед.ч.; -lor для мн.ч. обоих родов), или «особых форм выражения»¹³⁸, которые также используются в румынском языке, однако их употребление является ограниченным, оно выполняет «экспрессивную функцию»¹³⁹. Считается, что подобные формы выражают или определённое эмоциональное отношение пишущего (причем как положительное – ласкательное, так и негативное – ругательное), или некоторую иронию в сторону адресата.¹⁴⁰

¹³⁴ Репина Т. А. К вопросу о румынском вокативе // Вопросы языка и литературы народов балканских стран. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. С. 79.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Gramatica limbii române. Vol. I: Cuvântul. Bucureşti: Editura Academiei Române, 2008. P. 148.

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Репина Т. А. К вопросу о румынском вокативе // Вопросы языка и литературы народов балканских стран. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. С. 79.

¹³⁹ Gramatica limbii române. Vol. II: Enunţul. Bucureşti: Editura Academiei Române, 2008. P. 891.

¹⁴⁰ Ibid. P. 892.

Таким образом, форма звательного падежа в оригинале и форма вокатива в румынском не будут равноценными и взаимозаменяемыми, поскольку если в древнерусском и старославянском эти формы были нейтральными, то в современном румынском особые формы вокатива сами по себе обладают стилистической окраской. Вероятно, именно по этим причинам мы можем наблюдать определённую непоследовательность переводчика в этом аспекте, так как не всегда звательный падеж в оригинале может переводиться при помощи особой формы вокатива и, наоборот, не всегда отсутствие звательного падежа в оригинале передаётся формой, омонимичной форме И. п. Этот вывод можно проиллюстрировать примерами 1, 2 и 3, где звательный падеж в оригинале соответствует особой форме вокатива в переводе, которая добавляет особое *эмоциональное* звучание румынским формам, оправданное контекстом:

1) Великомучениче <i>Георгие</i> , помози. (23)	Mare Mucenic <i>Gheorghe</i> , ajută-ne. (21)
2) А хочещи ли жити, <i>старче</i> , спросил Арсений. (371)	Dar vrei să trăiești, <i>moșule</i> , întrebă Arseni. (274)
3) Что ти, <i>юрודה</i> , спросил Прохор. (189)	Ce vrei, <i>nebunule</i> , întrebă Prohor. (141)

В примерах 4 и 5 звательный падеж оригинала передаётся нейтральной по стилистической и эмоциональной окраске формой И. п. имени существительного, вероятно, с целью недопущения возникновения дополнительных иронических коннотаций в восприятии читателя, так как они отсутствовали в оригинале:

4) Я, <i>Сильвестре</i> , за нее всюду отвечаю. (145)	<i>Silvestru</i> , eu sunt răspunzător pentru ea peste tot. (109)
5) Теперь, <i>Арсение</i> , все будет зависеть от силы твоей любви. (113)	Acum, <i>Arseni</i> , totul o să atârne de puterea dragostei tale. (85)

Кроме того, мы можем наблюдать особые формы вокатива, появляющиеся в переводе, тогда как в оригинальном тексте форма звательного падежа отсутствовала, что для примера 6 можно объяснить сниженным характером обращения, который *подчеркивается и усиливается* особыми формами вокатива, а в контексте примера 7 – *ироничным* характером

обращения «земляк», что также передаётся с помощью особой формы вокатива:

б) Тут ведь грань такая тонкая, что вам, <i>сволочам</i> , и не понять. (194)	Că aici linia de despărțire e așa de subțire, că voi, <i>ticăloșilor</i> , nici nu puteți înțelege. (145)
7) Живем в лесу, молимся колесу. Такая наша вера. А еще, <i>земляк</i> , нам деньги требуются. Поищи, что ли. (48)	Trăim în pădure, ne rugăm la ce știm. Așa-i credința noastră. Da' ne mai trebe și bani, <i>zemliakule</i> . Ia vezi de căută. (39)

II. Передача стилизации в переводе на синтаксическом уровне

1) Использование инфинитива вместо сослагательного наклонения

В некоторых эпизодах романа предпочтение отдаётся **инфинитиву**, нежели сослагательному наклонению, в нетипичных для современного литературного языка контекстах его употребления. Так, первый пример с точки зрения литературной нормы должен был звучать как «au să înțeleagă», а второй – «vreau să mă căiesc». Безусловно, этот приём крайне успешно воссоздаёт мёртвый язык исходного текста:

...харадр, веселуясь, взлетит на воздух противу солнца – и все <i>понимают</i> , что харадр взял язву болящего и развеял ее в воздухе. (31)	...pasărea, veselindu-se, zboară afară, spre soare – și toți <i>au a înțelege</i> că ea a luat boala celui bolnav și a spulberat-o în văzduh. (26)
Бежите с корабля сего, яко <i>хощю покаяться</i> во гресех своих и предатися властем предержажим. (265)	Fugiți de pe astă corabie, căci io <i>voiesc a mă căi</i> de greșalele mele și a mă preda deținătorilor puterii. (197)

2) Выбор нетипичных для современного литературного языка средств связи в сложноподчинённых предложениях

Служебные части речи, используемые переводчиком в нетипичных для них значениях, также способствуют сохранению эффекта архаизации речи. Так, союз *de* (обладающий более частотным омонимом-предлогом) вводит в тексте перевода придаточные условия (примеры 1, 2) и цели (пример 3):

1) <i>Аще</i> кто костью подавится, призви на помощь святого Власия. (41)	<i>De</i> te îneci cu un os, cheamă-l în ajutor pe Sfântul Vasile. (34)
2) <i>Аще</i> Богу будет угодно, помогу, пробормотал, не глядя на бабу, Арсений. (126)	<i>De</i> -o vrea Domnul, vă ajut, a murmurat, fără să se uite la babă, Arseni. (96)
3) Иди <i>и</i> умри, юроде, zde <i>бо</i> от тебе несть нам спасения. (203)	Du-te <i>de</i> mori, nebune, <i>că</i> nu de la tine ne-o veni mântuirea aci. (152)

Помимо этого, отметим предпочтение переводчиком союза *că* другому, более частотному в современном языке причинному союзу *pentru că*, что встречается в примере 3 выше. Подобное употребление союза *că* не в привычном значении ‘что’, а в более редком, приближенном по стилистической окраске к русским «ибо»/«бо», также способствует исторической стилизации, встречаясь и в других эпизодах:

Гордыня *бо* есть корень всем грехом. (18) | *Că* mândria e rădăcina tuturor păcatelor. (17)

3) Отклонения от грамматических норм в построении предложений

Нами были обнаружены некоторые единичные, нерегулярные отклонения от грамматических норм, которые, на наш взгляд, также сыграли роль в передаче исторического колорита художественной речи. Например, **отсутствие местоименного повтора и частицы *pe*, показателя В. п.** (в современном румынском языке литературной нормы это предложение звучало бы так: *Îl pomenesc aici pe raznicul Vlas...*):

Зде помяну *стражника Власия*, иже положи живот свой за други своя. (361) | Pomenesc aci *straja Vlas*, care își dădu viața pentru prietiniii săi. (267)

В следующем примере также отсутствует показатель В. п. Местоименный повтор здесь не требуется, поскольку в сравнительном придаточном опущен глагол, однако, с точки зрения румынской грамматики, необходим показатель В. п., поскольку не очевидно, что является дополнением: *o tată* или *copilul ei*. В связи с этим, с точки зрения

литературной нормы, должна присутствовать частица *pe* перед дополнением:
precum o tată pe copilul ei:

Приими мя, пустыня, яко мати чадо свое . (405)	Primește-mă, pustie, precum o tată copilul ei . (298)
--	--

Встретилось также и **отсутствие определённого артикля** там, где он предполагается современной литературной нормой, – перед зависимым словом в Д. п. (стандартный вариант: *lumânarea Domnului*):

А лучше иди в монастырь, буди тамо свещю Господеви . (58)	Dar mai bine du-te la mănăstire, fii acolo lumânare Domnului . (46)
---	---

4) Использование инверсии

И, наконец, рассмотрим ещё одно синтаксическое средство выразительности, которым активно пользуется переводчик для передачи стилизации, – **инверсию**. Под этим термином традиционно понимается «изменение обычного порядка слов в предложении с целью подчеркивания смысловой значимости какого-л. слова или придания всей фразе особой стилистической окрашенности»¹⁴¹. Инверсия как средство выразительности существует и в румынском языке. С нашей точки зрения, нарушая прямой порядок слов, она делает текст менее привычным для современных носителей языка, усложняя его восприятие, тем самым способствует воссозданию исторического колорита художественной речи оригинала в переводе. В некоторых случаях инверсия в переводе возникает вслед за инверсией в оригинале:

...Ты же мя помилуй и живот вечный даруй ми . Аминь. (114)	...ai milă de mine și viață veșnică dă-mi . Amin. (86)
Сжалился, сказал Китоврас, яко жених той не будет жив до тридцати дней. (25)	Plânsei, a spus Kitovras, că mirele aceluia nu are să apuce treizeci de zile. (22)

¹⁴¹ Ушаков Д.Н. Малый академический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 10.05.2024).

Отметим, что во втором рассматриваемом примере инверсия также сопровождается отклонением от грамматической нормы: при таком порядке слов местоимение должно было получить особую форму с морфемой *a* на конце (*mirele acela*). Прямой же порядок слов выглядел бы следующим образом: *acel mire* ‘*тот жених*’.

В отдельных случаях инверсия в тексте перевода появляется там, где в оригинале её не было (прямой порядок слов: *Părul tău pare turma de capre ce coboară din munți, din Galaad. În acele vremuri uitate...*):

Власи твои, яко стада коз, яже <i>взыдоша от Галаада. В те забытые</i> <i>времена</i> волосы волновали больше, чем сейчас, потому что обычно были скрыты. Они были деталью почти интимной. (72)	<i>Părul tău turma de capre pare ce din munți,</i> <i>din Galaad, coboară. În vremurile acelea</i> <i>uitate</i> , părul tulbura mai mult decât acum, fiindcă de obicei era acoperit. Era un detaliu aproape intim. (56)
--	---

С нашей точки зрения, в первом предложении она выполняет функцию усложнения синтаксиса и воссоздания архаичного стиля оригинала, а во втором – делает речь более выразительной и выделяет синтаксически существительное *vremuri* ‘*времена*’.

Выводы по главе 2

В теоретической части главы 2 были определены основные особенности стиля анализируемого произведения, выделены основные средства воплощения стилизации, изучена терминология по рассматриваемой теме.

В ходе анализа языкового материала были выявлены основные лексические стратегии переводчика: использование *ненормативных форм* нейтральных по стилю лексем различных частей речи; использование *стилистически окрашенных лексем*. Основные грамматические стратегии: на морфологическом уровне – использование *времён* Perfectul simplu и Mai mult sa perfectul, введение в текст *разговорных форм* будущего времени, *постпозиция вспомогательных глаголов* при образовании сложных времён, использование форм *звательного падежа*; на синтаксическом уровне – использование *инфинитива* вместо сослагательного наклонения, выбор нетипичных для современного литературного языка *средств связи* в сложноподчинённых предложениях, различные *отклонения* от грамматических норм в построении предложений, использование *инверсии*.

В большинстве эпизодов стилизация в переводе сохранена частично, в 20% случаев она утеряна и заменена стандартным литературным языком. В ходе анализа было также выяснено, что для передачи архаизации в румынском могут использоваться *не только устаревшие формы, но и разговорно-просторечные*, употребляемые преимущественно в сельской местности и звучащие непривычно для большинства городских жителей (целевой аудитории романа). Вероятно, читателями они воспринимаются как инородные вкрапления и тем самым воссоздают эффект исторической стилизации. Наиболее успешно передаётся эффект *осовременивания* речи.

Переводчиком было предложено немало успешных инструментов передачи приёмов стилизации художественной речи, однако, на наш взгляд, основной недочёт текста перевода – *непоследовательность в их реализации*.

Заключение

В ходе исследования нами был проанализирован единственный существующий на данный момент перевод романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» на румынский язык, были выявлены его преимущества и недостатки. Безусловно, этот текст характеризуется немалым количеством выигрышных стратегий и успешно реализованных переводческих приёмов, что может быть хорошим материалом для изучения, своего рода пособием для начинающих специалистов. С другой стороны, он содержит в себе и огрехи: в особенности, мы выявили некоторую непоследовательность в ряде переводческих решений, связанных с передачей как реалий, так и приёмов стилизации. Конечно, настолько непростой, многослойный текст современного русского классика был серьёзным испытанием для переводчика, и воссоздать на другом языке на все сто процентов то, что было воплощено автором в оригинале, – едва ли возможно. Далеко не все эпизоды языковой игры, не все случаи резкого контраста между «языковыми стихиями», тонкой авторской иронии были распознаны и переданы в румынском переводе. Тем не менее А. Личиу удалось создать цельный текст, собрав воедино сотни разнообразных элементов литературной мозаики, открыв для румынского читателя это культовое произведение Евгения Водолазкина.

Список источников материала исследования

1. *Водолазкин Е.Г.* Лавр. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 440 с.
2. *Vodolazkin E.* Laur. Trad.: Liciu A. București: Humanitas Fiction, 2014. 324 p.

Список цитируемой научной литературы

1. *Азиз Т.Р.* Особенности перевода устаревших слов в романе Евгения Водолазкина «Лавр» на арабский язык // *Миры литературного перевода: Сборник докладов участников V Международного конгресса переводчиков художественной литературы (Москва, 6–9 сентября 2018 г.)* Т. 2. М., 2020. С. 127-130.
2. *Берков В.П.* Вопросы двуязычной лексикографии. Л.: Издательство ЛГУ, 1973. 188 с.
3. *Берков В.П.* Двуязычная лексикография. М.: Издательство «Астрель», 2004. 236 с.
4. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с. URL: <https://kurl.ru/QxlyN> (дата обращения: 16.04.2024).
5. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
6. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. 117 с.
7. *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. 406 с.
8. *Воробьева С.В.* К вопросу о классификации заимствованной лексики // *Лингвокультурологическая парадигма в современных исследованиях: сборник научных статей.* Гродно: ГрГУ, 2011. С. 208-214. URL: <https://clck.ru/3AXXus> (дата обращения: 25.04.2024).
9. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
10. *Заюнчковский Ю.П., Николеску Т., Репина Т.А.* Румынский язык: Учебник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 472 с.
11. *Иванова Е.А.* Лингвокультурологический потенциал романа Е. Водолазкина «Лавр» // *Мир русского слова*, № 3, 2014. С. 66–71. URL: <https://kurl.ru/xEdpx> (дата обращения: 01.05.2024).

12. *Кахла Э.* Восприятие и перевод романа «Лавр» Евгения Водолазкина в Финляндии // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин. Коллективная монография под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего, Краков, 2019. С. 441-449. URL: <https://clck.ru/3AYng2> (дата обращения: 01.05.2024).
13. *Козиол А.* Религиозная лексика и возможность ее передачи на польский язык (на материале романа «Лавр» Евгения Водолазкина) // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин. Коллективная монография под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего, Краков, 2019. С. 461-473. URL: <https://clck.ru/3AYng2> (дата обращения: 01.05.2024).
14. *Королёва С.Ю., Четина Е.М.* Ещё раз о «заложных» умерших: народные и церковные поминальные традиции // Зеленинские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. (Киров, 12 ноября 2013 г.) С. 67-71. URL: <https://kurl.ru/rvBrc> (дата обращения: 29.04.2024).
15. *Купка В.* Как сделан «Лавр» Е. Водолазкина // *Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Slavica L. Debrecen*, 2021. С. 245-249.
16. *Меркулова В.А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 250 с.
17. *Москвин В.П.* Лингвистическая стилизация и пародия // Филологические беседы, № 2, 2004. С. 45-57. URL: <https://clck.ru/3AYmc3> (дата обращения: 25.04.2024).
18. *Москвитина Д.А, Родионова Л.Ю.* Лингвокультурная гетерогенность ксенизмов в современном англоязычном художественном произведении Донны Тартт «Щегол»: переводческий аспект // Национальная ассоциация ученых (НАУ), № 44, 2019. С. 42-45. URL: <https://clck.ru/3AYMF3> (дата обращения: 26.04.2024).
19. *Попова Т.Г., Мальчивецкая Ю.В.* Фитонимическая лексика в романе Евгения Водолазкина «Лавр» // Русская речь, № 5, 2017. С. 41-48.
20. *Рекк-Котрикадзе Т.* Роман Евгения Водолазкина «Лавр» на грузинском языке — языковая и стилистическая многоплановость текста и сложности перевода // Миры литературного перевода: Сборник докладов участников V Международного конгресса переводчиков художественной литературы (Москва, 6–9 сентября 2018 г.) Т. 2. М., 2020. С. 90-95.
21. *Ретина Т.А.* К вопросу о румынском вокативе // Вопросы языка и литературы народов балканских стран. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. С. 78-89.
22. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М.: Аспект Пресс, 2000. 536 с.

23. *Сапогова Л.И.* Реалии: фактор времени // Вопросы лингвистической семантики. Вып. 3. Тула, 1979. С. 54-60.
24. *Томахин Г.Д.* Реалии-американизмы. Пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988. 239 с. URL: <https://kurl.ru/PzUtd> (дата обращения: 16.04.2024).
25. *Тышкова-Каспиак Э.* Восприятие романа «Лавр» Евгения Водолазкина в Польше // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин. Коллективная монография под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего, Краков, 2019. С. 431-440. URL: <https://clck.ru/3AYng2> (дата обращения: 01.05.2024).
26. *Шуринова Н.С.* «Мертвый язык» как средство воскрешения субъективности «другого» в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» // Новое прошлое, № 4, 2016. С. 99-110. URL: <https://clck.ru/3AYms2> (дата обращения: 03.05.2024).
27. *Южин В.И.* Золотая книга старорусской магии, ворожбы, заклятий и гаданий. ОстеонПресс, 2015. URL: <https://clck.ru/3AYMaW> (дата обращения: 28.04.2024).
28. *Druță I.* Dificultăți de traducere în limba română a romanului Laur de Evgheni Vodolazkin. P. 238-245. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/238-245_6.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
29. Gramatica limbii române. Vol. I: Cuvântul. București: Editura Academiei Române, 2008. 712 p.
30. Gramatica limbii române. Vol. II: Enunțul. București: Editura Academiei Române, 2008. 1089 p.
31. *Rosetti A.* Istoria Limbii Romane I. București: Editura științifică și enciclopedică, 1986. 914 p. URL: <https://kurl.ru/kUIJs> (дата обращения: 01.05.2024).

Список источников справочного и энциклопедического характера

1. *Бабенко Л.Г.* Большой толковый словарь русских существительных. URL: <https://clck.ru/3AZ9yu> (дата обращения: 20.04.2024).
2. База данных "PhytoLex: Фитонимия русского языка XI-XVII вв.". URL: <https://phytolex.iling.spb.ru/> (дата обращения: 22.04.2024).
3. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 02.05.2024).
4. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://clck.ru/3AZE27> (дата обращения: 20.04.2024).
5. *Власова М.Н.* Энциклопедия русских суеверий. СПб.: Азбука-классика, 2008. 622 с. URL: <https://clck.ru/3AZrP5> (дата обращения: 20.04.2024).
6. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. URL: <https://clck.ru/3AZrz2> (дата обращения: 21.04.2024).
7. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. URL: <https://tolkovuj-slovar-ozhegova.slovaronline.com/> (дата обращения: 20.04.2024).
8. *Плутсер-Сарно А.* Большой словарь мата. Т. 1. СПб.: Лимбус Пресс, 2005. URL: <http://plutser.ru/mat/Huj/> (дата обращения: 06.05.2024).
9. Румынско-русский словарь. URL: <https://classes.ru/all-romanian/dictionary-romanian-russian.htm> (дата обращения: 21.04.2024).
10. *Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я.* Большой юридический словарь. М.: Инфра, 2003. URL: <https://kurl.ru/LjFiJ> (дата обращения: 01.05.2024).
11. Толковый словарь украинского языка. URL: <https://dicipedia.com/dic-uk-uk-expl.htm> (дата обращения: 02.04.2024).
12. *Ушаков Д.Н.* Малый академический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 10.05.2024).
13. *Чулков М.Д.* Абевега русских суеверий. М.: Издательство Ф. Гиппиуса, 1786. 328 с. URL: <https://clck.ru/3AZA6W> (дата обращения: 20.04.2024).
14. URL: <https://dex.ro/> (дата обращения: 10.05.2024).
15. URL: <https://dexonline.ro/> (дата обращения: 10.05.2024).

Список цитируемых средств массовой информации

1. *Лученко К.* Евгений Водолазкин: Человек в центре литературы (интервью). Сетевое издание Правмир, 29.01.2014. URL: <http://www.pravmir.ru/chelovek-v-centre-literatury/> (дата обращения: 05.05.2024).
2. Артефакт – гид по музеям России. URL: <https://ar.culture.ru/ru> (дата обращения: 11.05.2024).

Приложение. Перечень проанализированных реалий

I. Географические реалии

1) Названия объектов физической географии, метеорологии

наст (52)	zăpada înghețată (42)	описательный перевод
поземка (131)	vârtej (99)	гипо-гиперонимический перевод
поземка (81)	viscol (63, 117)	гипо-гиперонимический перевод

2) Названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью

бездорожье (126)	drumurile desfundate (96)	описательный перевод
------------------	---------------------------	----------------------

3) Названия живых организмов

адамова глава (18)	capul lui Adam (17)	калькирование
баклан (23)	baclan (20)	транслитерация
брусника (378)	coacăze (279)	уподобление
воронье сало (17)	seu de corb (16)	калькирование
ефилия (152)	ephilia (114)	транслитерация
лас-трава (17)	iarba las (16)	транслитерация
одолень (23)	floarea rusalcelor (20)	описательный перевод
перенос (23)	iarbă fermecată (20)	описательный перевод
попугай 56	rapagal 45	калькирование
сава (23)	savă (20)	транскрипция
трава Енох 68	iarba Enoh 53	транслитерация

II. Этнографические реалии

1) Быт

армяк (армяков) (106)	armiac (armiacurilor) (80) Текст сноски: Un fel de suman din postav gros.	транскрипция
бадя (105)	căldare (79)	гипо-гиперонимический перевод
береста (17)	coajă de mesteacăn (16)	описательный перевод
береста (19)	coajă de stejar (17)	описательный перевод
береста (423)	coaja de mesteacăn (312)	описательный перевод
берестяные грамоты (39)	gramotele de mesteacăn (32) Текст сноски: Aici, "cărțile"	транслитерация
берестяные грамоты (41)	gramotele din coajă de stejar (34)	транслитерация
буханка (410)	râinea (301)	гипо-гиперонимический перевод
венцы (55)	bârnele de sus (43)	гипо-гиперонимический перевод
винегрет (314)	vinegretă (232)	уподобление
голубцы (314)	sarmale (232)	уподобление
дом-пятистенки (15)	casa aceasta avea cinci pereți (15)	описательный перевод

дровяник (32)	magazia de lemne (27)	описательный перевод
земляная тюрьма (190)	închisoare de pământ (142) Текст сноски: Groapă în care erau ținuți datornicii, ostaticii etc.	калькирование
зипун (159)	zăbun (119, 130)	уподобление
кабак (201)	cârciumă (151)	уподобление
калачник (188)	calacinic (141) Текст сноски: Cel care face colaci.	транскрипция
каравай (126)	caravai (96) Текст сноски: Pâine mare și rotundă	транслитерация
каша (378)	cașă (279)	уподобление
кожух (66)	blană (50)	гипо-гиперонимический перевод
колодец-журавль (121)	puț cu cocor (92) Текст сноски: Așa se numește în rusă puțul cu cumpănă.	калькирование
конёк (крыши) (27)	coama acoperișului (23)	описательный перевод
коробок (94)	cutie (72)	гипо-гиперонимический перевод
краюха (403)	un codru de pâine (297)	уподобление
краюха (71)	margini (55) 'края (хлеба)'	описательный перевод
лавки (75)	laviță (58)	уподобление
ладья (75)	barcă (58)	гипо-гиперонимический перевод
лапти (136)	opinci (103)	уподобление
лапти (173)	opinci din coajă de tei (130)	уподобление, описательный перевод
лапти (82)	opinci (63) Текст сноски: Opinci din coajă de tei.	уподобление
лучина (47)	lucină (38) Текст сноски: Așchie de lemn pusă pe un suport.	транскрипция
лучина (49)	așchia (39)	гипо-гиперонимический перевод
околица (126)	ieșirea din sat (96)	описательный перевод
очелки (33) (в самом тексте содержится экспликация)	ocelki (27)	транслитерация
плошка (113)	blid (85)	уподобление
полавочники (32) (в самом тексте содержится экспликация)	polavociniki (27)	транслитерация
полуденежный калач (188)	colac pentru amiază (141)	уподобление
понева (69)	paniova (54) Текст сноски: Element al costumului popular rus	транскрипция
(топили) по-чёрному (32)	(se încălzeau) la negru (27)	калькирование
резные наличники (126)	tocul încrustat al ușii (96)	описательный перевод
рубаша (69)	cămașa (54, 124)	гипо-гиперонимический перевод

садоводство (15)	gospodăria legumicolă (14)	описательный перевод
сарай (50)	magazie (40, 123, 130)	гипо-гиперонимический перевод
сени (138)	săliță (105)	гипо-гиперонимический перевод
туес (171)	tuies (128) Текст сноски: Vas cilindric din coaja de mesteacăn. Cuvântul este împrumutat din dialectele din nordul Rusiei	транскрипция
тулуп (68)	cojocul (53)	уподобление
ухват (68)	furcă (53)	гипо-гиперонимический перевод
холодец (314)	piftie (232)	уподобление
частокол (154)	garduri (116)	гипо-гиперонимический перевод
щи (378)	borș (279)	уподобление

2) Труд

лечебник (146)	lecebnik (110) Текст сноски: Carte de medicină populară.	транслитерация
травник (16)	tămăduitor de iarbă (15)	описательный перевод
травное дело (21)	tainele ierburilor (18)	описательный перевод

3) Искусство и культура

божедомка (107)	bojedomka (81)	транслитерация
заложные (108)	necurați (81)	гипо-гиперонимический перевод
земляк (48)	zemliak (zemliakule) (39) Текст сноски: Cuvântul, care înseamnă consătean, concetățean, vine de la <i>zemlia</i> – “pământ” (rus.).	транслитерация
матерно (ругались) (182)	(înjurau) de mamă (136) ‘очень сильно’	описательный перевод
Мать сыра земля (108)	Мама-glie umedă (81) Текст сноски: <i>Mat' sâra zemlia</i> – personificare a pământului, cea mai veche zeitate în mitologia slavă.	калькирование
просфоры (396)	ostii (292)	уподобление
Семик (108)	Semik (81) Текст сноски: De la <i>sem'</i> – șapte (rus.).	транслитерация
скудельница (107)	scudelnița (81)	транслитерация
юродивый (178)	nebun întru Cristos (133)	уподобление
юродствовать (179)	a se arăta nebun întru Hristos (134)	уподобление, описательный перевод

III. Общественно-политические реалии

1) Административно-территориальное устройство

кремль (175)	cetate (131)	гипо-гиперонимический перевод
кром (175)	cetate (131)	гипо-гиперонимический перевод
(Рукина) слободка (13)	satul (Rukina) (13)	гипо-гиперонимический перевод
(Рукина) слободка (35)	slobozia (Rukina) (35, 68)	уподобление
слободка (110)	sat (71, 83)	гипо-гиперонимический перевод
слободские (52)	săteni (42)	гипо-гиперонимический перевод
хутора (45)	cătune (37)	уподобление

2) Органы и носители власти

посадник (198)	posadnic (148) Текст сноски: Șeful administrației locale în vechea Rusie.	транслитерация
сотник (186)	sotnic (139) Текст сноски: Comandant al unei sotnii (unitate de cavalerie căzăcească, compusă din o sută de oameni).	транскрипция
тиун (271)	vechil (201)	уподобление
тысяцкие (438)	oficialități (322)	гипо-гиперонимический перевод
уездная ЧК (15)	СЕКА districtuală (14) Текст сноски: Comisia extraordinară pe întreaga Rusie pentru combaterea contrarevoluției și a sabotajului, înființată în 1917 de Lenin.	уподобление, транскрипция

3) Общественно-политическая жизнь

мещанин (271)	târgoveț (201)	уподобление
оброк (63)	dijme (50)	уподобление